

Ф. Павленкова.

С 752

ПОЧТОВАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.
(40 книжекъ).

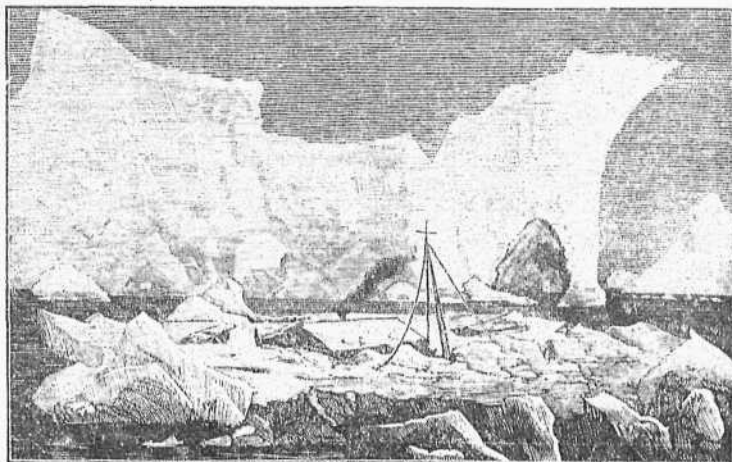
№ 23.

96
лунки

СРЕДИ СНѢГОВЪ И ВѢЧНАГО ЛЬДА.

СОСТАВИЛЪ В. ЛУНКЕВИЧЪ.

СЪ 41 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

ЦѢНА 24 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1900.

М 1.216960

91(92)
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАРОДА.

91(98) 91
СРЕДИ СНѢГОВЪ
И
ВѢЧНАГО ЛЬДА.

СОСТАВИЛЪ

В. ЛУНКЕВИЧЪ.

СЪ 41 РИСУНКОМЪ ВЪ ТЕКСТѢ. ✓

Издание Ф. Павленкова.

М 1.216960

104992
Цѣна 24 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза». В. Подъяч. 39.
1900.

26.11.1899

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Ноября 1899 г.

1995

2002

Архангельская
областная научная
библиотека
им. Н. А. Добролюбова

Среди снѣговъ и вѣчнаго льда.

Царство льдовъ.

Царство льдовъ! Что это за сказочная страна такая? Гдѣ она?

Было время, когда объ этой странѣ люди почти ничего не знали и, судя лишь по наслышкѣ, рассказывали всякія

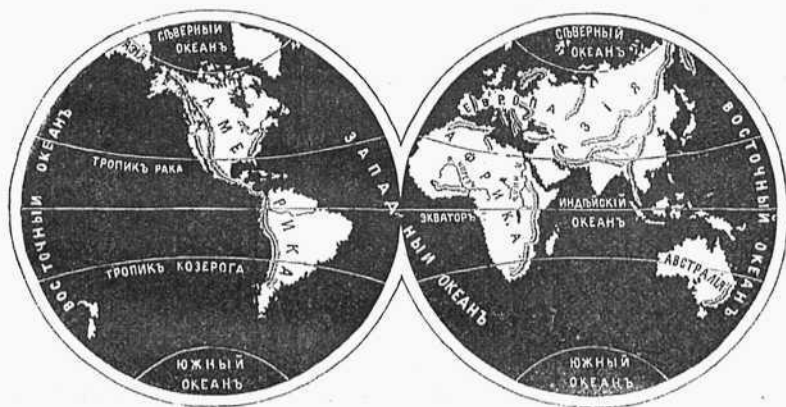

Рис. 1—Полушарія земли.

басни и небывлицы. Не то теперь. Много смѣлыхъ ученыхъ и путешественниковъ побывало уже въ странѣ вѣчнаго льда и нескончаемой стужи. Еще недавно—всего какихъ-нибудь три года тому назадъ—вернулся оттуда славный норвежскій путешественникъ, Фритіофъ Нансенъ. И вотъ:

благодаря рассказамъ такихъ путешественниковъ, люди узнали настоящую правду о томъ дивномъ, но суровомъ

Рис. 2. — Земной шаръ. Наверху отръзокъ, изображающій царство льдовъ.
краѣ, гдѣ снѣга и льды не переводятся, гдѣ почти круглый годъ стоятъ нестерпимые холода.

Если вы станете *лицомъ къ востоку*, т. е. къ тому мѣсту, откуда восходитъ солнце, то *по лѣвую руку* отъ васъ

(т. е. на сѣверѣ) далеко-далеко, за нѣсколько тысячъ верстъ, и будетъ находиться ледяное царство. Тутъ лежитъ обширное, холодное море, по имени *Снѣжный Ледовитый океанъ*. Къ этому океану прилегають сѣверные берега Азіи (собственно Сибири), Америки и Европы (см. рис. 1); а еще дальше къ сѣверу, среди самаго океана, въ различныхъ мѣстахъ его, разбросаны отдѣльные участки земли: это — большіе и малые острова; каждому изъ нихъ дано особое названіе. Такъ, на сѣверѣ отъ береговъ Сибири вы найдете нѣсколько острововъ, лежащихъ близко другъ отъ друга и получившихъ названіе *Новой Сибири*; на западъ отъ нихъ идутъ острова, извѣстные подъ именемъ *Новой земли*; тамъ дальше, влѣво отъ нихъ, — островъ *Шпицбергенъ*, потомъ *Грѣнландія* и наконецъ — цѣлая куча острововъ, расположившихся болѣе или менѣе далеко отъ сѣверныхъ береговъ Америки.

Земля наша, какъ извѣстно, представляетъ собою огромнѣйшій шаръ (см. рис. 2). Срѣзавши верхнюю *), т. е. сѣверную, часть его, мы будемъ имѣть предъ собою на лицо все царство льдовъ. Вотъ и рисунокъ, показывающій это (см. рис. 2). Вы видите тутъ и Ледовитый океанъ, и сѣверные берега Америки, Азіи и Европы, и, наконецъ, всѣ тѣ острова, о которыхъ только что говорилось. Середину нашего рисунка — ее мы обозначили чернымъ пятнышкомъ — занимаетъ самая сѣверная точка земного шара. Это и есть *снѣжный полюсъ* (см. рис. 3).

Давно ужъ люди пытаются пробраться сюда, но никакъ не проберутся. Вкругъ полюса широкимъ кольцомъ залегли всѣ земли ледяного царства. Воды Ледовитаго океана прорѣзають это кольцо въ двухъ мѣстахъ: проходя между Америкой и Азіей, онѣ сливаются съ водами Вели-

*) Судя, разумѣется, по рисунку!

каго океана; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежить Гренландія, онѣ сообщаются съ водами Западнаго или Атлантическаго океана.

Предлагаю читателю внимательно разсмотрѣть рисунокъ 3-й. Не мѣшало бы даже запомнить его такъ, чтобы

Рис. 3—Планъ ледяного царства.

можно было, не глядя въ книжку, ясно представлять себѣ, гдѣ находится та или иная часть ледяного царства.

Ну, а теперь ознакомимся съ этимъ царствомъ поближе.

Море здѣсь все время покрыто льдомъ. Мѣстами ледь

затягиваетъ обширныя пространства воды, длиною и шириною въ нѣсколько сотъ верстъ. Это — настоящія *ледяныя поля*, громадныя, однообразныя, похожія на наши степи. Едва пройдешь одно такое поле, какъ предъ тобою вдругъ откроется другое, тамъ дальше — третье, четвертое... и кажется, что имъ конца не предвидится. Могучія льдины, раздѣлennыя водой, иной разъ сходятся, смерзаются вмѣстѣ, напирають одна на другую, сталкиваются, взгро-

Рис. 4.—Ледяныя поля.

мождаются другъ на друга — и тогда гладкое ледяное поле совсѣмъ мѣняетъ свой видъ. Оно становится бугристымъ, покрывается множествомъ трещинъ и обломками льдинъ, которыя издали походятъ на скалы, крутые утесы, холмы и башни.

Большая часть ледяныхъ полей образуется у береговъ. Съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ морозъ крѣпчаетъ, ледъ становится все толще и толще и быстро надвигается на море. Однако и вдали отъ береговъ, тамъ, гдѣ море вы-

глядить покойнѣе, вода частенько замерзаетъ, образуя обширные ледяные острова. Происходитъ это тогда, когда погода стоитъ морозная, но тихая. При вѣтрѣ, а въ особенности въ бурю, когда море волнуется, вода не можетъ замерзнуть. Но стоитъ только вѣтру присмирѣть, и море станетъ сковываться льдомъ. Сперва въ водѣ появится множество ледяныхъ иглъ; затѣмъ иглы срастутся и превратятся въ куски плавающихъ льдинокъ; когда-же послѣднія сойдутся вмѣстѣ и смерзнутъ, тогда получится ужъ насто-

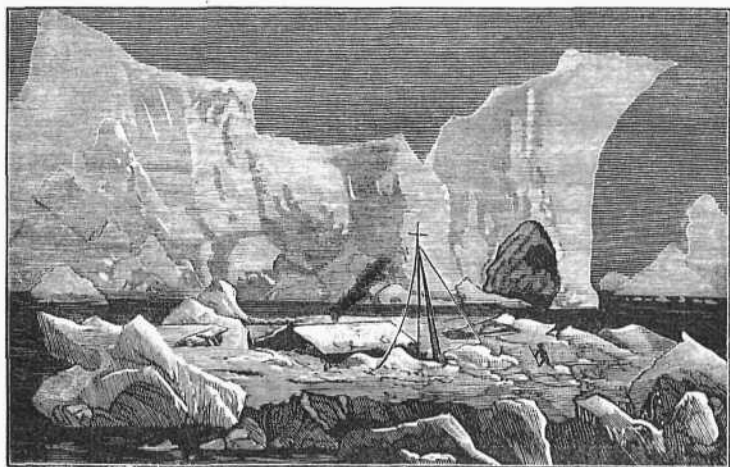

Рис. 5. — Плавающая льдина. На ней жилище путешественниковъ, оставшихся зимовать въ царствѣ льда.

ящая льдина. Съ каждымъ часомъ, вѣрнѣе съ каждою минутой ледъ прибываетъ; льдины растутъ, затягиваютъ десятки и сотни квадратныхъ верстъ, преобразуются въ ледяные острова и поля.

У береговъ вода обыкновенно промерзаетъ до самаго дна. Въ такихъ мѣстахъ ледъ словно прирастаетъ къ сушѣ и потому держится долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Въ открытомъ морѣ — совсѣмъ иное. Тутъ льдины, толщи-

ною въ 5—10 сажень, лежатъ поверхъ воды, и тамъ, гдѣ она стоитъ спокойно, льдины также не трогаются съ мѣста до той поры, пока не подуетъ сильный вѣтеръ. Но вотъ онъ налетѣлъ на ледъ; льдины качнулись разъ-другой и тронулись въ путь. Плывутъ онѣ по волѣ вѣтра, не зная сами, куда ихъ занесетъ судьба. Можетъ случиться такъ, что вѣтеръ пригонитъ ихъ въ ту часть Ледовитаго океана, гдѣ вода широкою полосой течетъ спокойно на югъ, въ теплыя страны земного шара. Тогда и льдины пойдутъ въ Атлантическій или Великій океанъ. На пути ихъ пригрѣетъ солнце, подъ ними окажется болѣе теплая вода, и льдины станутъ таять, уменьшаться въ размѣрахъ, пока совсѣмъ не распустятся въ водѣ и не исчезнуть, словно ихъ и вовсе не бывало...

Путешествуютъ по океану и многія изъ тѣхъ льдинъ, что образовались у береговъ. Крѣпко держатся онѣ за сушу, какъ-бы боясь разстаться съ ней, но не всегда имъ удается устоять на мѣстѣ. Лишь только настанетъ лѣто, ледъ во многихъ мѣстахъ у береговъ подтаиваетъ, льдины трескаются, отстаютъ отъ суши, раскалываются на части и поступаютъ подъ власть морскихъ теченій и вѣтровъ. Настаетъ пора великаго ледохода. Подобно плавающимъ льдинамъ, родившимся въ открытомъ морѣ, прибрежные льды уходятъ все дальше и дальше отъ земли. То чинно, въ гробовомъ молчаніи, то съ шумомъ, грохотомъ и трескомъ плывутъ они по океану — одни гуськомъ, другіе плотными рядами, третьи вразсыпную; а на нихъ, какъ на плотахъ, примостились иные невольные странники. Тамъ, смотришь, шумливая стая перелетныхъ птицъ; здѣсь — многочисленное стадо тисленей иль моржей; подалее — бѣлошкурые медвѣди, а на четвертой льдинѣ — даже не вѣрится... люди. Но кто они? Какъ забрели сюда? Быть можетъ, это — дикари-эскимосы, отправившіеся

охотой на тюленя? Или отважные ученые, пустившіеся въ обратный путь на льдинѣ?..

II.

Айсберги.

Царство льдовъ есть въ то же время и царство снѣговъ. Земли, прилегающія къ Ледовитому океану, и острова — Новая Земля, Новая Сибирь, Шпицбергенъ, Гренландія и другія — большую часть года покрыты снѣгомъ. Чѣмъ ближе къ сѣверному полюсу лежитъ суша, тѣмъ продолжительнѣе тамъ зима и тѣмъ больше на ней снѣговъ. Есть въ ледяномъ царствѣ земли, которыя почти весь годъ (9—11 мѣс.) сплошь покрыты снѣжнымъ саваномъ, и только лѣтомъ, когда солнце слегка пригрѣетъ сушу, снѣгъ мѣстами стаиваетъ и обнажаетъ бесплодную, промерзшую почву. Суровый, дикій край! Холодное море, ледяныя поля, безпредѣльныя снѣжныя равнины — вотъ чѣмъ природа надѣлила его.

Остановимся на островахъ: они особенно любопытны. Вотъ Новая Земля, Шпицбергенъ и Гренландія. Всѣ они гористы, въ особенности Шпицбергенъ *). Уже одно названіе его — «Заостренныя горы» — показываетъ, что на этомъ островѣ должно быть много горъ. На самомъ дѣлѣ такъ и есть. Глядя на Шпицбергенъ, уже издали вы видите предъ собой множество голыхъ, остроконечныхъ скалъ. Однѣ изъ нихъ походятъ на зазубренныя крѣпостныя стѣны, другія — словно высокія сторожевыя башни съ заостренными верхушками. На склонахъ этихъ горъ, въ

*) Шпицбергенъ по русски значитъ «Заостренныя горы».

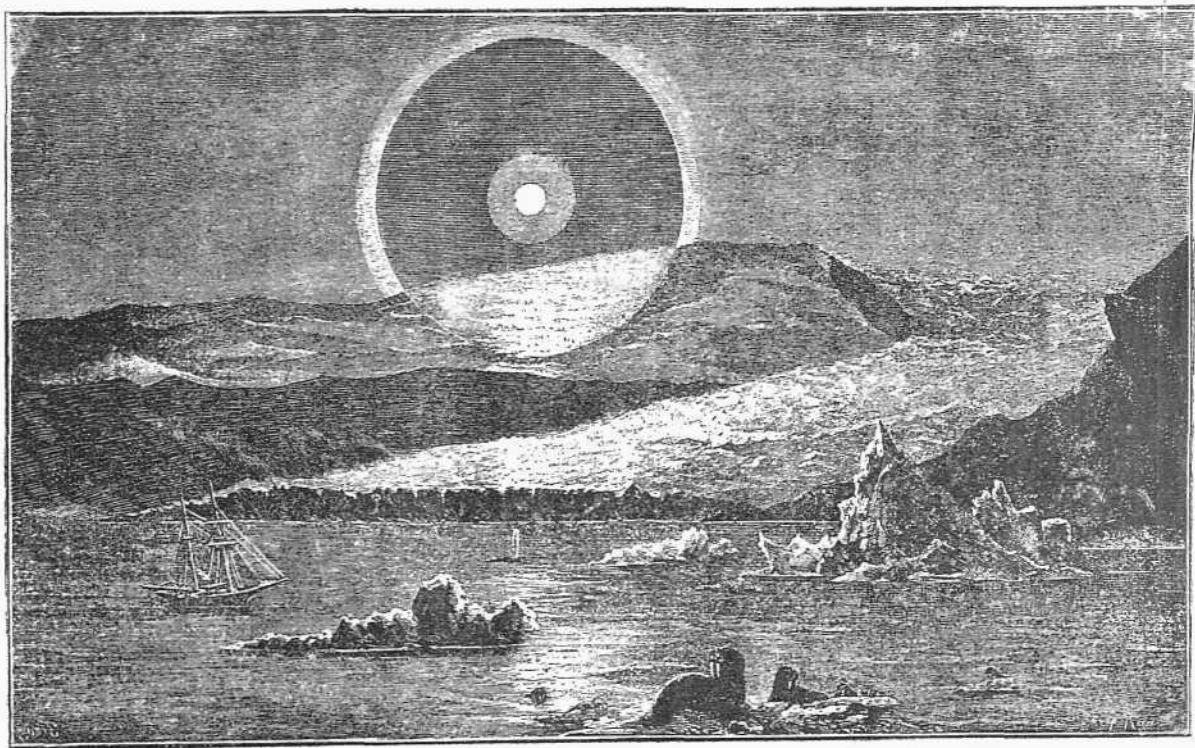

Рис. 6.—Ледники Гренландіи.

ущельяхъ между ними, а кое-гдѣ и на вершинахъ красуются громадныя толщи оледенѣвшаго снѣга. Онъ накоплялся здѣсь вѣками. Одинъ слой ложился поверхъ другого, давилъ и уплотнялъ его. Талая вода, пропитывая снѣгъ и вновь замерзая, спаивала снѣжинки; морозъ ихъ скрѣплялъ. Снѣгъ постепенно, изъ году въ годъ, преобразался и сталъ походить на ледъ. Но это — ледъ особенный: онъ ковокъ, какъ свинецъ, тягучъ, какъ варъ, ползучъ, какъ густо-намѣшанное тѣсто. Не устоять такому льду на мѣстѣ! И чтожъ? Теперь всякому отлично извѣстно, что оледенѣвшій снѣгъ, собравшійся на горахъ Новой Земли, Гренландіи и Шпицбергена, медленно течетъ по склонамъ горъ и долинамъ къ подножію ихъ, течетъ совершенно такъ же, какъ и вода въ рѣкѣ. Но эта *леденая рѣка*, или *ледникъ* *) спускается чрезвычайно тихо. Проходятъ годы, десятки лѣтъ, а она за это время подвигается впередъ всего на нѣсколько сажень, не больше.

Итакъ, съ горъ тѣхъ острововъ, которые находятся въ ледяномъ царствѣ, спускаются ледяные потоки (ледники). Особенно много ледниковъ на Шпицбергенѣ и Гренландіи. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ длину нѣсколько сотъ верстъ, въ ширину верстъ 30 — 40, а толщина льда мѣстами доходить до 200 слишкомъ сажень.

Теперь представьте себѣ такую картину. Вы — недалеко отъ острова Шпицбергена. Предъ вами высятся горы. Склоны ихъ круто спускаются къ морю. Въ глубокихъ ущельяхъ горъ залегли громадныя толщи льда. Это — ледники. Передними концами своими они подошли къ самому морю (см. рис. 7). Морскія волны бѣшено ударяютъ о ледъ и подмываютъ его. Солнце палитъ его. Ледъ уступаетъ дѣйствію волнъ и солнечныхъ лучей,

*) О ледникахъ подробнѣе смотри мою книжку «Вода».

подтаиваетъ у основанія, трескается и вдругъ рушится: величественная ледяная глыба, цѣлая ледяная гора, отваливается отъ передняго конца ледника и съ грохотомъ падаетъ въ море. Море заволновалось, вспѣнилось; по поверхности его пошли гулять высокіе валы, а ледяная глыба-великанъ словно провалилась въ какую-то бездну. Но вотъ прошло нѣсколько мгновеній, и она съ шумомъ вынырнула, потомъ опять погрузилась въ воду и вновь всплыла на поверхность. Она точно борется съ разбушевавшимся

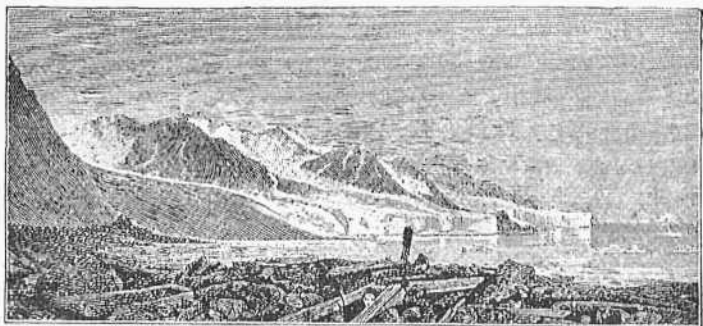

Рис. 7.—Ледникъ, спускающійся въ море (остр. Шпицбергенъ).

моремъ, которое не хочетъ выпускать ее на свѣтъ Божій. Однако напрасно кипятится оно. Съ законами природы спорить нельзя: *ледъ легче воды*, и потому опъ, въ концѣ концовъ, долженъ будетъ всплыть на поверхность воды. И дѣйствительно, нѣсколько времени спустя, вы уже видите, какъ ледяная гора, мѣрно покачиваясь, плаваетъ на поверхности утихомирившагося моря...

Такъ рождаются тѣ ледяныя глыбы или *айсберги*, которые встрѣчаются такъ часто въ царствѣ льдовъ, наряду съ плавучими ледяными островами и полями. У скалистыхъ береговъ Гренландіи, Новой Земли, Шпицбергена и дру-

гихъ острововъ дальняго сѣвера всегда толпится множество айсберговъ. Отсюда они уплываютъ по волѣ вѣтра и морского теченія въ открытое море, гдѣ и странствуютъ иной разъ много лѣтъ подрядъ.

Впрочемъ айсберги образуются не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледникъ спускается въ море, но и далеко отъ острововъ, среди волнъ Ледовитаго океана. Вотъ, напримеръ, какъ описываетъ рожденіе такого айсберга одинъ изъ путешественниковъ.

«Море было совершенно спокойно. Множество ледяныхъ горъ красовалось на поверхности его. Вдругъ подъ водой послышалось какое-то гудѣніе: точно тамъ, въ глубокой безднѣ моря, что-то застонало. «Слушайте, ледникъ будетъ разрѣшаться!» воскликнулъ одинъ изъ матросовъ, сопровождавшихъ нашего путешественника. Въ ту же минуту раздался оглушительный ударъ, а вслѣдъ за нимъ — другіе, еще болѣе сильныя; казалось, подземные пласты раздирались, точно во время землетрясенія. «Смотрите, вотъ онъ поднимается!» проговорилъ матросъ. Дѣйствительно, часть огромной льдины величественно всплывала на поверхность. Морскія волны, вытиснутыя новымъ приплюскомъ, съ шумомъ ударили въ другіе айсберги и закачали ихъ. Раздался протяжный гулъ, напоминающій цѣлый рядъ пушечныхъ выстрѣловъ: это былъ послѣдній разрывъ — ледяная глыба освободилась изъ подводной тюрьмы. Она выплыла изъ бездны, подобно левіафану, поднявшему надъ волнами свою чудовищную голову. Потомъ, внезапно нырнувъ, она перевернулась. Воды, потревоженныя этимъ переворотомъ, струились съ ея кристалльных боковъ и съ шумомъ падали въ бурное море. Море бушевало. Громадныя волны, высоко вздымая свои бѣлые хребты, носились дико по поверхности, ударили въ сосѣдніе айсберги — и ледъ подъ ихъ напоромъ стоналъ, трещалъ, таялъ и разсы-

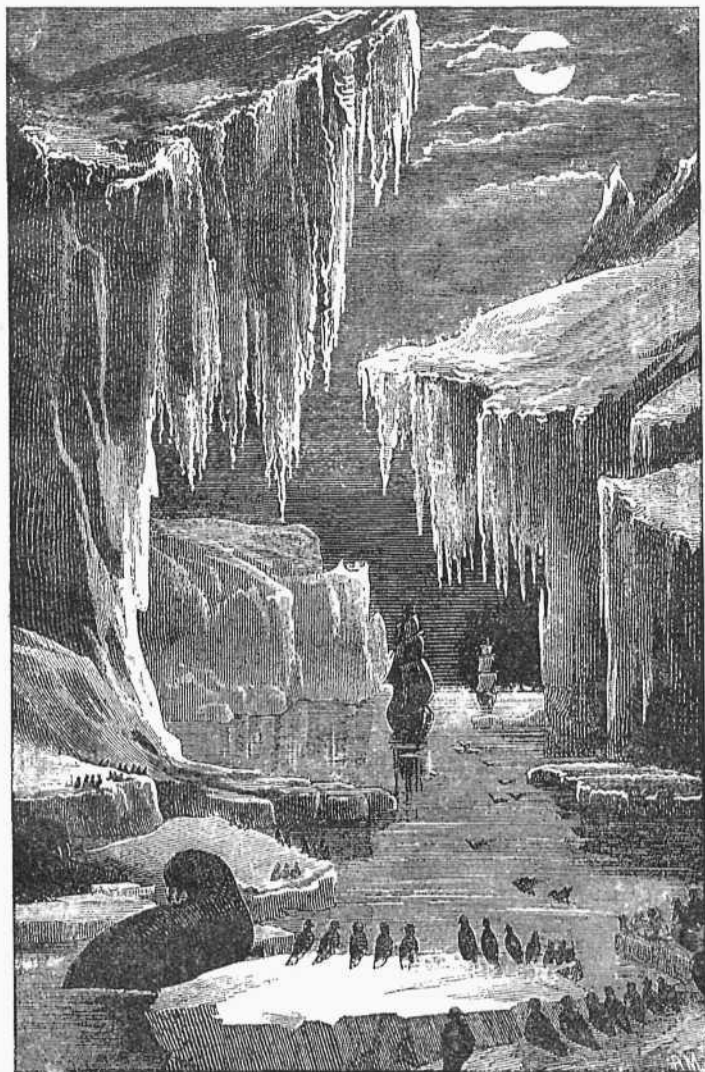

Рис. 8.—Царство льдовъ.

пался. Самые маленькія изъ ледяныхъ глыбъ, не выдерживая бурнаго натиска волнъ, исчезали подъ водой, какъ во время бури. А огромный младенецъ-айсбергъ, причина всего этого смятенія, продолжалъ купаться въ волнахъ... Только по прошествіи многихъ часовъ вокругъ новой ледяной горы водворилась тишина; гора эта наконецъ, утомилась и гордо поплыла среди подобныхъ себѣ льдинъ по стихнувшимъ водамъ моря».

Откуда взялся этотъ айсбергъ?

Не всѣ ледники, идущіе съ горъ, оканчиваются у моря крутымъ обрывомъ. Иные изъ нихъ спускаются по отлогому руслу и незамѣтно погружаются въ воду. Тутъ, подъ водой, ледяная рѣка продолжаетъ медленно ползти по дну океана и иногда проходитъ такимъ образомъ десятки верстъ. Но ледъ, повторяю, легче воды. Держаться подъ водой ему довольно трудно: вода все время выпираетъ его кверху. Подъ напоромъ ея громадныя льдины отламываются частями отъ ледника, ползущаго подъ водой; и вотъ въ то время, когда ледъ подводнаго ледника ломается, бываетъ слышенъ и трескъ, и гулъ, и грохотъ, а отколовшіеся отъ ледника куски выходятъ на поверхность воды и плаваютъ здѣсь въ видѣ ледяныхъ горъ, или айсберговъ. Такъ же, надо полагать, образовался и тотъ айсбергъ, про который рассказываетъ нашъ путешественникъ.

Айсберги часто величаются ледяными горами: и я ихъ такъ называлъ уже не разъ. Но здѣсь на всякій случай не мѣшаетъ вспомнить слова дѣдушки Крылова: «Гора хоть—не гора, но, право, будетъ съ домъ». И дѣйствительно, самые высокіе изъ айсберговъ—а такіе чаще всего встрѣчаются возлѣ Гренландіи—имѣютъ въ вышину сажень 30 или 40, т. е. не выше хорошей колокольни; это, разумѣется, если считать ту часть айсберга, которая выступаетъ надъ водой; та часть, которая сидитъ въ водѣ,

обыкновенно разъ въ шесть или восемь больше. Однако при такой сравнительно небольшой вышинѣ айсберги иногда имѣють въ длину и въ ширину нѣсколько сотенъ и даже тысячъ сажень. Въ такомъ случаѣ они походятъ на громадныя скалистые острова, которые волею судебъ обречены на долгія странствованія по океану.

Удивительно разнообразна форма айсберговъ.

Вначалѣ—это просто какія-то безформенныя ледяныя глыбы. Но съ теченіемъ времени они преобразуются отъ дѣйствія волнъ, солнечныхъ лучей, да еще отъ того, что

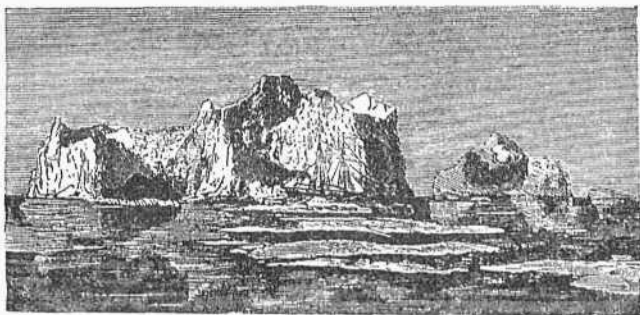

Рис. 9. Айсберги.

въ пору плаванія по океану они сталкиваются, ударяются другъ о друга, раскалываются и такимъ образомъ мѣняють свой видъ. И какъ причудливы, какъ хороши они тогда! Это, по истинѣ, одно изъ лучшихъ украшеній ледяного царства. Передъ вами точно какой-то сказочный ледяной городъ. Вотъ чудный полуразвалившійся замокъ съ башнями, зубчатой оградой, съ высокими воротами, висячими мостами и великолѣпною лѣстницей, спускающейся къ морю. Тамъ дальше — бѣлоснѣжный соборъ, а рядомъ — колокольня, и не одна, а нѣсколько. За соборомъ — обширная гладь моря, усыпаннаго множествомъ ледяныхъ шатровъ.

Среди снѣгу и вѣчн. льда

Архангельская
областная научная
библиотека
им. Н. А. Добролюбова

С.-Валд. Край

ПРОТЕРА

среди которых разбросаны холмы, колонны, гигантскіе памятники и столы, ворота, арки, дома, дворцы—ну, словомъ, цѣлое сборище самыхъ разнообразныхъ сооружений изъ льда. Всѣ это блестить и искрится подъ яркими лучами дневного солнца, а на закатѣ окутывается туманомъ, подпавшимся съ моря. Впрочемъ здѣсь и днемъ небо часто

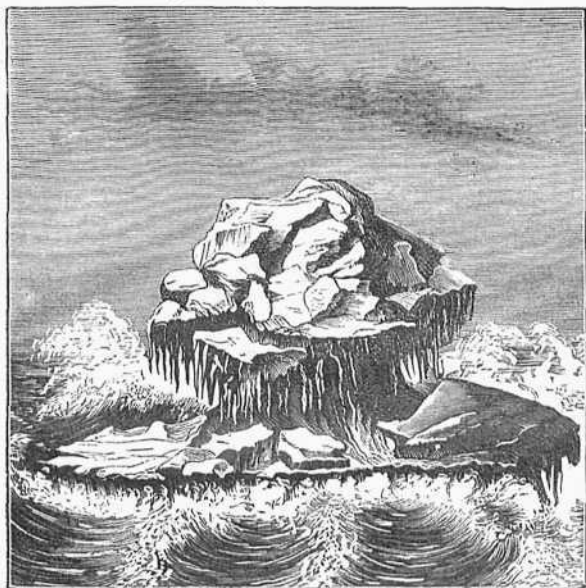

Рис. 10.—Айсбергъ въ видѣ памятника.

хмурится и покрывается облаками, а надъ моремъ стелется туманъ, который скрываетъ отъ путешественниковъ *ледяныя горы*. И это очень скверно. Не разъ случалось такъ, что пароходъ или корабль, не замѣчая подернутыхъ туманомъ айсберговъ, насккивалъ на нихъ невзначай и шелъ ко дну.

Айсберги странствуютъ по морю. Одни изъ нихъ при этомъ скоро погибаютъ; другіе же живутъ вѣками. Если

айсбергъ попадетъ въ полосу воды, которая течетъ изъ Ледовитаго океана въ теплыя страны земного шара, тогда жизнь его будетъ не долговѣчна: солнце его пригрѣетъ, вода подточитъ, онъ станетъ постепенно убывать въ размѣрахъ и наконецъ растаетъ. Но если айсбергъ останется случайно въ предѣлахъ ледяного царства, то жизнь его обезпечена на многіе годы. Конечно, и тутъ можетъ постигнуть его неудача: подымется вдругъ буря, волны закружатъ айсбергъ, столкнутъ его съ другими ледяными горами, и тогда онъ, разумѣется, затрещитъ, застонетъ, разсыплется на мелкіе куски и погибнетъ на вѣки. Но противъ такихъ невзгодъ никто не устоитъ...

III.

«Чудеса» ледяного царства.

Гдѣ такъ много снѣга и льдовъ, тамъ должно быть очень холодно. Ледяное царство, на самомъ дѣлѣ, славится своими жестокими морозами. Путешественники рассказываютъ на этотъ счетъ поразительныя вещи. Сѣбѣстные припасы—мясо, сало, молоко, масло—въ царствѣ холода такъ сильно замерзаютъ, что начинаютъ походить на твердый камень; все это приходится, въ случаѣ надобности, распиливать, рубить топоромъ или же колоть на части при помощи долота и молотка. Самая крѣпкая водка и керосинъ также замерзаютъ. Бревна на судахъ отъ холода трескаются, гвозди выскакиваютъ изъ досокъ. Водяныя брызги падаютъ на землю въ видѣ ледяныхъ сосулекъ, а поднявшійся съ моря туманъ (паръ) преобразуется въ иней, который подолгу держится въ воздухѣ и порождаетъ мглу. Снѣгъ настолько холоденъ, что обжигаетъ руки, словно раскаленное желѣзо. Птицы

иной разъ коченѣють на полетѣ и валятся на землю камнемъ.

На холодѣ, какъ извѣстно, всякая живность долго не портится. Поэтому здѣсь мясо убитыхъ животныхъ сохраняется на многіе годы. Зарытое въ снѣгу, оно можетъ пролежать десятки лѣтъ и все же будетъ годно для ѣды. Въ 1855 году на Шницбергенѣ нашли трупы семи голландскихъ матросовъ, погибшихъ во время путешествія въ 1835 году. 20 лѣтъ они пролежали подъ снѣгомъ и все же не разложились.

Да, морозы тутъ суровые—не нашимъ чета! И вообще царство льдовъ во многомъ отличается отъ нашихъ краевъ. У насъ, напримѣръ, за весною слѣдуетъ лѣто, затѣмъ осень и, наконецъ, зима, послѣ которой вновь начинается весна. Иначе обстоитъ дѣло въ ледяномъ царствѣ: здѣсь только два времени года—долгая суровая зима и короткое лѣто, во время котораго выпадаютъ частенько такіе морозные дни, какіе у насъ случаются только зимою. Или возьмемъ хотя бы такую вещь. Кто изъ насъ не привыкъ къ тому, чтобы солнце *каждый день* появлялось утромъ и закатывалось къ вечеру? Кто не знаетъ, что въ нашихъ краяхъ время исчисляется сутками, одна часть которыхъ приходится на день, другая—на ночь? Въ странъ вѣчныхъ льдовъ и бескончаемой стужи—опять не то. Тутъ одинъ разъ въ году солнце точно забываетъ спрятаться и свѣтитъ нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ; а потомъ скроется съ неба и не показывается опять-таки нѣсколько мѣсяцевъ сряду: долгій день смѣняется такою же долгою ночью. Посмотрите, какъ напримѣръ идетъ время на сѣверномъ полюсѣ, т. е. въ самой срединѣ ледяного царства. 21-го марта показывается на небѣ солнце, и начинается непрерывный день, который тянется вплоть до 23 го сентября, т. е. полгода; затѣмъ солнце уходитъ за горизонтъ и наступаютъ сумерки. 50 дней длятся

онѣ, становясь все гуще и гуще, пока не наступитъ темная ночь; и эта ночь, тягостная, томительная, скучная, продолжается непрерывно два съ половиною мѣсяца, а за нею вслѣдъ опять настанутъ пятидесятидневныя сумерки, которыя, дѣлаясь все яснѣе и яснѣе, незамѣтно переходятъ въ долгій, шестимѣсячный день, когда солнце вновь блещетъ на небосклонѣ.

Никто изъ людей, какъ я сказалъ раньше, на сѣверномъ полюсѣ еще не бывалъ. Однако ученые прекрасно знаютъ, какъ смѣняются времена года въ тѣхъ краяхъ, которые лежатъ вокругъ сѣвернаго полюса; и потому имъ нетрудно уже разсчитать, что дѣлается у самаго полюса. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ какую-нибудь часть ледяного царства, гдѣ люди уже успѣли побывать, и посмотримъ, какъ проходятъ тамъ времена года. Пусть это будетъ, на примѣръ, сѣверная часть Гренландіи или острова Шпицбергенъ.

Дѣло происходитъ въ концѣ октября. Вечеръ. Солнце зашло за море. На небѣ играетъ заря. Проходитъ день, другой, третій... а солнца все нѣтъ и нѣтъ. Оно скрылось на многіе дни. Со временемъ гаснетъ и слабый свѣтъ зари. Ледяное царство погружается во мракъ. Настала длинная зимняя ночь. Морозы съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе и сильнѣе. Земля погребена подъ снѣгомъ. Море сковано льдомъ. Зима въ полномъ разгарѣ. Только луна да звѣзды свѣтятъ на небосклонѣ. Дни тянутся за днями однообразно, уныло, тоскливо. Въ нашихъ краяхъ солнце, по обыкновенію, восходитъ и заходитъ, дни смѣняются ночами, а тутъ—все ночь, холодная, точно безконечная ночь. Прошелъ ноябрь, декабрь, половина января. Вотъ ужъ и конецъ января. Небо выглядит какъ будто свѣтлѣе. Ночь смѣняется сумерками. Заря становится съ каждымъ днемъ все ярче и ярче, и вдругъ въ серединѣ феврала, въ одинъ

прекрасный день, надъ моремъ показывается небольшой край солнца. Ну, слава Богу! Ночь наконецъ миновала: настаютъ для страны льдовъ болѣе радостные дни! Посвѣтивши всего нѣсколько мгновеній, солнце вновь прячется. Зато на слѣдующій день оно выглядываетъ почти наполовину и держится на небѣ дольше. Наконецъ оно выплываетъ все цѣликомъ. Путешественники, которымъ пришлось зимовать въ царствѣ холода и льдовъ, съ восторгомъ привѣтствуютъ появленіе великаго свѣтила, и радости ихъ, кажется, нѣтъ предѣловъ. Съ этого времени солнце все дольше и дольше застываетъ на небѣ: дни чередуются съ ночами, какъ слѣдуетъ, «по настоящему». Вначалѣ они коротки, но затѣмъ постепенно дѣлаются длиннѣе и длиннѣе, пока не сравняются съ ночами; а послѣ этого начинаютъ убывать ночи. Въ первыхъ числахъ апрѣля ночь длится напр. часа два-три, а остальное время сутокъ приходится на день. Но вотъ подходит конецъ апрѣля. Солнце ужъ не прячется. Оно медленно поднимается — впрочемъ невысоко — втеченіе двѣнадцати часовъ, а потомъ столько же часовъ опускается; сдѣлавши кругъ невысоко надъ землею, солнце не заходитъ, а вновь начинаетъ подниматься; оно, словомъ, на глазахъ у всѣхъ колеситъ по небу, точно чертитъ на немъ круги. Теперь ужъ нѣтъ ночей. Остался лишь день — длинный день, который тянется четыре мѣсяца подрядъ, отъ конца апрѣля до конца августа. Это лучшая пора въ странѣ снѣговъ и вѣчнаго льда. Непривѣтливая сѣверная природа пробуждается къ жизни. Настаетъ лѣто. Особенно хорошъ здѣсь іюнь мѣсяцъ. Земля оттаиваетъ и мѣстами сбрасываетъ съ себя свой снѣжный нарядъ. Всюду слышится журчаніе ручьевъ, образовавшихся изъ растаявшаго снѣга. Съ горъ шумно несутся потоки и водопады. Ледники трещатъ и ломаются. Ледяныя поля отрываются отъ береговъ и пускаются въ дальнее плаваніе. Море во многихъ

мѣстахъ освобождается отъ сковавшаго его на зиму ледяного панцыря. Тысячи айсберговъ самой разнообразной величины и причудливыхъ формъ качаются на волнахъ открытаго моря. Вдоль береговъ расположились многочисленныя стада тюленей и моржей, которыя пѣжата и грѣются на солнцѣ. Бѣлые медвѣди начали свою охоту и шныряютъ то на берегу, то на льдинахъ, или же пускаются вплавъ по морю въ погонѣ за добычей. Въ воздухѣ раздаются крики

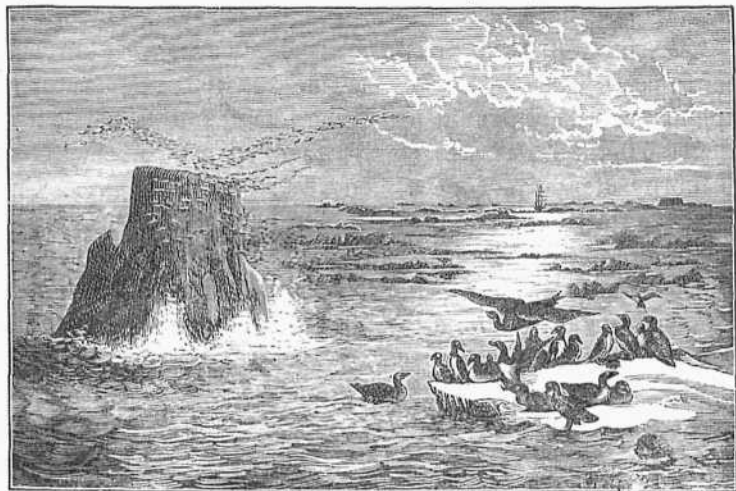

Рис. 11.—Лѣтняя картина въ ледяномъ царствѣ.

чаекъ, дикихъ утокъ, гагарокъ и веселое щебетанье морскихъ ласточекъ. Эти временныя гости ледяного царства, прилетѣвшіе сюда изъ болѣе теплыхъ краевъ земли, цѣлыми стаями кружатся въ воздухѣ, плаваютъ на водѣ, покрываютъ ледяныя горы. Среди айсберговъ мелькаютъ быстрокрылыя ладьи дикарей-эскимосовъ и самоѣдовъ, охотящихся на тюленей и моржей, а тамъ далѣе видѣется и громадное китоловное судно, на которомъ нѣсколько бравыхъ молодцевъ отправились въ погоню за китомъ. Всюду жизнь! Даже мерзлая

земля, освободившись кое-гдѣ отъ снѣга, понатужилась и произвела на свѣтъ Божій чахлую растительность—зеленоватый мохъ, кой-какія травы да корявую, низкорослую иву. Это ли не благодать!

Проходитъ короткое лѣто. Въ концѣ августа (числа 20—26, смотря по мѣсту) солнце первый разъ уходитъ за горизонтъ, но не надолго. Съ каждымъ слѣдующимъ днемъ темнота длится все дольше и дольше. Дни вновь начинаютъ смѣняться ночами. Первые убываютъ, послѣднія нарастаютъ. Въ серединѣ октября солнце втеченіе сутокъ свѣтитъ на небѣ всего какой-нибудь часъ-полтора: остальное время приходится на утреннія и вечернія сумерки да на ночь; а числа 20—26 октября, опять-таки судя по мѣсту, солнце погружается въ море и больше ужъ не всходитъ. Сначала стоятъ нѣкоторое время сумерки, а потомъ наступаетъ снова длинная зимняя ночь...

Описывая смѣну временъ года на дальнемъ сѣверѣ, я часто говорилъ: «солнце заходитъ», «солнце восходитъ», «подымается», «опускается», «погружается въ море» и т. п. Вы, по всей вѣроятности, знаете, что на самомъ то дѣлѣ *движется не солнце, а земля*, и что намъ только такъ *кажется*, будто солнце ходитъ по небу, подымается и опускается *).

Кому приходится впервые слышать о томъ, какъ идетъ смѣна временъ года, а также смѣна дня и ночи въ царствѣ льдовъ, тому все это, пожалуй, и покажется «чудеснымъ». Въ дѣйствительности же тутъ нѣтъ ровно ничег о «чудеснаго», и ученые давно уже узнали, отчего многое на дальнемъ сѣверѣ идетъ не такъ, какъ у насъ. Очень жаль, что не придется здѣсь объяснить, почему въ ледяномъ царствѣ бываютъ такіе дливные дни и ночи: для малоподготовленного

*) Объ этомъ подробнѣе см. мою книжку «Земля».

читателя мое объясненіе можетъ оказаться труднымъ и непонятнымъ. Впрочемъ желающимъ разобратъ въ этомъ сложномъ вопросѣ я бы посовѣтовалъ прочесть прекрасную книжку Фламмаріона — «Общедоступная астрономія»: тутъ читатель найдетъ толковый отвѣтъ на интересующій его вопросъ. А пока что, обратимся къ другимъ «чудесамъ» ледяного царства.

На дворѣ стоитъ одинъ изъ морозныхъ солнечныхъ дней. Небо совершенно ясное, погода тихая. Дѣлю, само собою разумѣется, происходитъ лѣтомъ. И вотъ путешественнику вдругъ представляется такое зрѣлище. Ледяныя поля, айсберги, берега сосѣднихъ острововъ съ горами и ледниками точно поднялись въ воздухъ и повисли надъ моремъ. На небѣ виднѣется обширный, сказочный ледяной городъ. Ледяные дворцы, зданія, храмы, шатры, колокольни, башни—все это виситъ и колышется въ воздухѣ, медленно передвигаясь съ мѣста на мѣсто и безконечно мѣняя свою форму. Проходитъ нѣсколько минутъ, и предъ путешественникомъ уже иная картина. Исчезли замки, колокольни и башни изъ льда; вмѣсто нихъ на небѣ появился гористый островъ или берегъ суши, на которомъ копошатся какіе-то звѣри, видны деревья, даже люди — и все это опять-таки, точно въ туманѣ, кажется несовсѣмъ яснымъ, мелькаетъ предъ глазами, колышется, какъ будто прыгаетъ въ воздухѣ, и постоянно мѣняетъ видъ и мѣсто. Что за диво! думаетъ путешественникъ, забредшій въ царство льдовъ. Не сонъ ли это? Да, почти что сонъ, или, вѣрнѣе, — *миражъ*, видѣніе. На самомъ дѣлѣ ничего такого на небѣ нѣтъ, и явленіе это объясняется довольно просто.

Всякій изъ насъ несчетное число разъ видѣлъ, какъ въ спокойной водѣ озера или пруда отражаются деревья, растущія на берегу, сами берега и даже небо съ облаками. Вода тутъ служить какъ бы громаднымъ зеркаломъ, въ

которомъ виднѣется всякій предметъ, стоящій подлѣ воды или надъ нею. Нѣчто подобное происходитъ и на дальнемъ сѣверѣ; но на этотъ разъ *зеркаломъ служитъ* уже не вода, а *небо, т. е. воздухъ*. Въ ясномъ, спокойномъ воздухѣ порою отражаются, точно въ зеркалѣ, и ледяныя поля, и айсберги, и берега тѣхъ земель, что лежатъ въ царствѣ холода, и звѣри, и люди, и деревья, встрѣчающіеся здѣсь. Но воздухъ, какъ и вода,—зеркало не гладкое. Онъ никогда не бываетъ совершенно покоенъ, а постоянно колыхнется. Оттого-то движутся, мѣняють свое мѣсто и видъ всѣ тѣ предметы, которые въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются. Когда же воздухъ придетъ въ сильное движеніе, замутился, тогда ужъ онъ негоденъ въ зеркала, и потому видѣніе исчезаетъ. Вспомните, что и въ прудѣ не видно ни береговъ, ни неба съ облаками, когда вода въ немъ взволнуется отъ вѣтра....

Миражи составляютъ одно изъ любопытныхъ *лѣтнихъ* зрѣлищъ на дальнемъ сѣверѣ. *Зимою*-же здѣсь случаются другія, не менѣе любопытныя явленія, которыя на первый взглядъ также кажутся «чудомъ».

Вотъ, что пишетъ напр. Нансенъ: «Понедѣльникъ, 7-го января 1895 г. Сегодня появился очень удивительный свѣтъ, какъ разъ подъ луной. Онъ имѣлъ видъ громаднаго свѣтящагося стога сѣна и верхнею своею частью входилъ въ свѣтлое кольцо, которое окружало луну. На верхней сторонѣ этого кольца была видна, *какъ обыкновенно*, перевернутая свѣтящаяся дуга». Не даромъ Нансенъ прибавляетъ тутъ слово: «какъ обыкновенно». Въ странѣ льдовъ свѣтящіяся кольца вокругъ луны дѣйствительно показываются очень часто. (См. напр. рис. 6). И не только кольца. Бываетъ, напримѣръ, такъ: луна окружена свѣтлымъ, радужнымъ кругомъ, а это кольцо въ свою очередь обнесено вторымъ и даже третьимъ такимъ-же кольцомъ; затѣмъ

кольца блѣднѣютъ, и вмѣсто нихъ появляются двѣ свѣтлыя полосы, которыя проходятъ *на-крестъ* черезъ луну. Въ другой разъ все происходитъ нѣсколько иначе. Вокругъ луны показывается свѣтлое кольцо, на лунѣ — крестъ, а по обѣимъ сторонамъ креста, справа и слѣва, — два свѣтлыхъ пятна, величиною съ луну, точно еще двѣ другихъ луны. Наконецъ, можетъ случиться и такъ, что подлѣ яркаго кольца, окружающаго *настоящую* луну, появляются еще *четыре ложныхъ, ненастоящихъ луны*.

Посмотримъ теперь, какъ всѣ эти явленія происходятъ. Туманы и облака въ нашихъ краяхъ, какъ извѣстно, складываются изъ водяныхъ паровъ, которые всегда бываютъ въ воздухѣ. Въ царствѣ льдовъ такіе-же туманы и облака зачастую образуются изъ множества мельчайшихъ *ледяныхъ иголокъ*, собравшихся вмѣстѣ. Случается такъ, что легкое облако или туманъ изъ ледяныхъ иголокъ станетъ на пути луннаго свѣта. Упавши на ледяныя иголки, лучи луннаго свѣта заиграютъ въ нихъ, словно въ зеркала или въ граненыхъ стеклахъ, — и мы увидимъ въ небѣ радужный крестъ, кольцо, дугу или большія круглыя пятна, похожія съ виду на луну. Намъ кажется, будто все это — и свѣтлое кольцо, и крестъ, и круглыя пятна — подлѣ самой луны, а въ дѣйствительности они свѣтятся на облакѣ, которое легло на пути луннаго свѣта. Облако находится отъ земли верстъ за семь или восемь (иногда — гораздо ближе); до луны же, какъ извѣстно, цѣлыхъ *триста шестьдесятъ тысячъ* верстъ. Вотъ и сообразите, можетъ-ли свѣтящійся крестъ лежать на самой лунѣ? Вы спросите: а какъ узнали, что этотъ крестъ не на лунѣ, а на облакѣ? Отвѣтъ незатѣйливъ. Пусть дунетъ вѣтеръ и сгонитъ съ мѣста туманъ, ставшій поперекъ луннаго свѣта; пусть растаятъ ледяныя иголки въ воздухѣ — и крестъ исчезнетъ. Когда же туманъ изъ ледяныхъ иголокъ вновь ляжетъ на пути лун-

наго свѣта, крестъ или кольцо опять покажутся на небѣ.

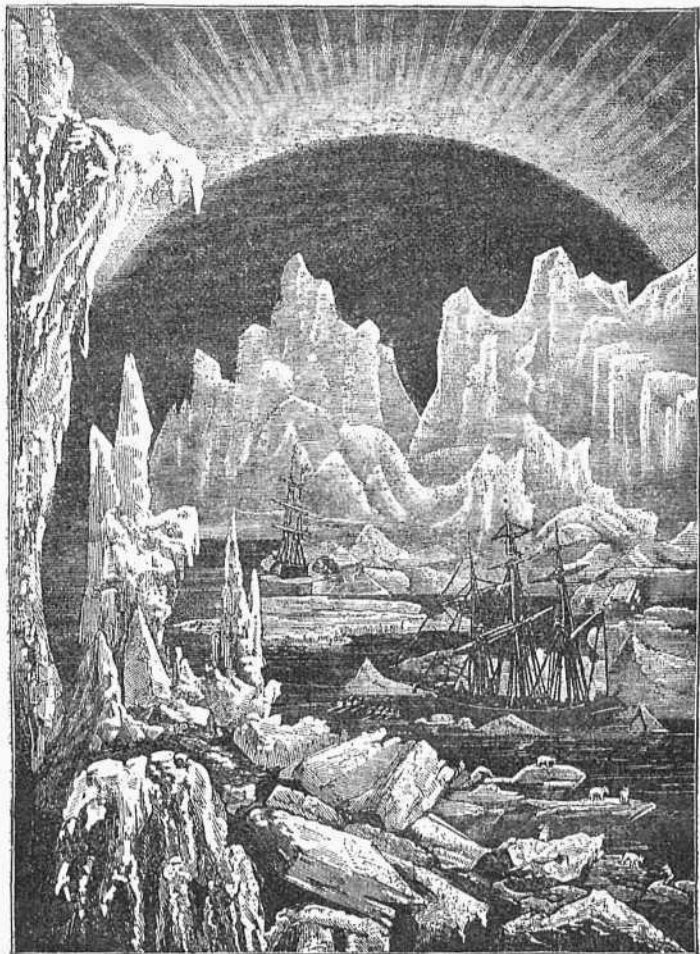

Рис. 12. — Сѣверное сіяніе дугой.

Отсюда ужъ всякій можетъ понять, что тутъ дѣйствительно во всемъ повинны облака изъ ледяныхъ иголокъ.

Есть въ царствѣ холода еще одно чрезвычайно-любопытное явленіе. Это—такъ называемое *сѣверное сіяніе*.

Въ долгую зимнюю ночь, когда въ странѣ льдовъ не видно солнца, на небѣ временами показывается особенный свѣтъ. Подобно бѣловатой зарѣ, онъ загорается на горизонтѣ и постепенно подымается, пока передъ вами не предстанетъ величественная блестящая дуга, точно перекинутаая съ одного края земли на другой. Дуга сверкаетъ, выкидываетъ вверхъ цѣлыя снопы свѣта, переливается разными цвѣтами и подвигается все выше и выше. Вслѣдъ за нею выступаетъ другая такая-же дуга, а иногда и третья. Весь небосклонъ заливъ пламенемъ. Дуги подымаются. Вотъ первая изъ нихъ стоитъ уже у васъ надъ головой. Нѣсколько минутъ спустя, она перевалила по другую сторону небосклона. Такъ же движется вторая, а тамъ и третья арка. Свѣтъ первой дуги ужъ меркнетъ, но остальные свѣтятъ еще ярко. Вскорѣ и онѣ сперва блѣднѣютъ, а потомъ и вовсе исчезаютъ. Царство льдовъ вновь погружается въ ночной мракъ.

Сѣверное сіяніе имѣетъ иногда и другой видъ. Вначалѣ на горизонтѣ собирается блѣдный свѣтъ; затѣмъ свѣтъ этотъ располагается на подобіе широкой пелосы, которая начинаетъ подыматься по небу. Блѣдный свѣтъ ея постепенно становится все ярче и ярче. Лента колыхнется, словно трепещетъ, извивается, собирается складками и вновь расправляется, все время мѣняетъ свою форму и мѣсто. Свѣтъ перебѣгаетъ отъ одного края ея къ другому, на мгновеніе слабѣетъ и тотчасъ же загорается съ болѣею силой. А лента тѣмъ временемъ идетъ все выше и выше. Вдругъ она распадается на двѣ части. Верхняя часть ея сверкаетъ ярче и блещетъ всѣми цвѣтами радуги. Изъ нея то и дѣло вылетаютъ разноцвѣтные лучи свѣта. Въ эту минуту сіяніе особенно красиво. Потомъ оно начинаетъ меркнуть и гаснетъ такъ же неожиданно, какъ и появилось...

Слѣдуетъ замѣтить, что сѣверныя сіянія продолжаются недолго: самое большое нѣсколько часовъ, а обыкновенно — минутъ 20 — 30. За то бываетъ и такъ, что, исчезнувъ, оно вновь вспыхиваетъ, нѣсколько времени спустя.

Кромѣ сѣверныхъ сіяній, имѣющихъ видъ дуги или волнующейся ленты со складками, бываютъ еще сіянія, изви- вающіяся змѣей. Послушаемъ, напримѣръ, слѣдующій раз- сказъ Нансена.

«Вечеромъ,—говоритъ Нансенъ,—отправился я, въдо- вольно таки уныломъ настроеніи духа, на палубу, но въ ту же минуту, какъ только вышелъ, остановился точно прикованный. Вотъ оно чудесное явленіе— сѣверное сіяніе неподражаемой силы и красоты, сверкающее на небѣ всѣми цвѣтами радуги! Рѣдко или, пожалуй, даже никогда я не видалъ такихъ чудныхъ красокъ. Преобладающій цвѣтъ сначала былъ желтый, сквозь который пробивался зеле- ный, а на нижнемъ концѣ дуги проступала уже яркая ру- биновокрасная окраска. Но вотъ вдали на западѣ, вверхъ по небу, *протянулась, извиваясь, огромная змѣя*; она ста- новилась все ярче и ярче, затѣмъ *раздѣлилась на три сверкающія части*. Потомъ краски измѣнились. Южная змѣя сдѣлалась красною съ желтыми пятнами; та, которая находилась по срединѣ, стала желтой; а сѣверная приняла зеленовато-бѣлый цвѣтъ. По бокамъ змѣй выступали лу- чистыя возвышенія, точно волны, гонимыя ураганомъ. Онѣ то появлялись, то исчезали въ разныхъ мѣстахъ, то высту- пали рѣзче, то слабѣе; змѣи извивались... Хотя я былъ легко одѣтъ и дрожалъ отъ холода, но не могъ оторваться отъ зрѣлища, пока оно не прекратилось, и осталась только одна огненная змѣйка на западѣ»...

А какъ волшебнo выглядитъ ледяное царство во время сѣверныхъ сіяній! На небѣ горять разноцвѣтныя огненныя полосы,—горять и льютъ цѣлые потоки свѣта на землю и

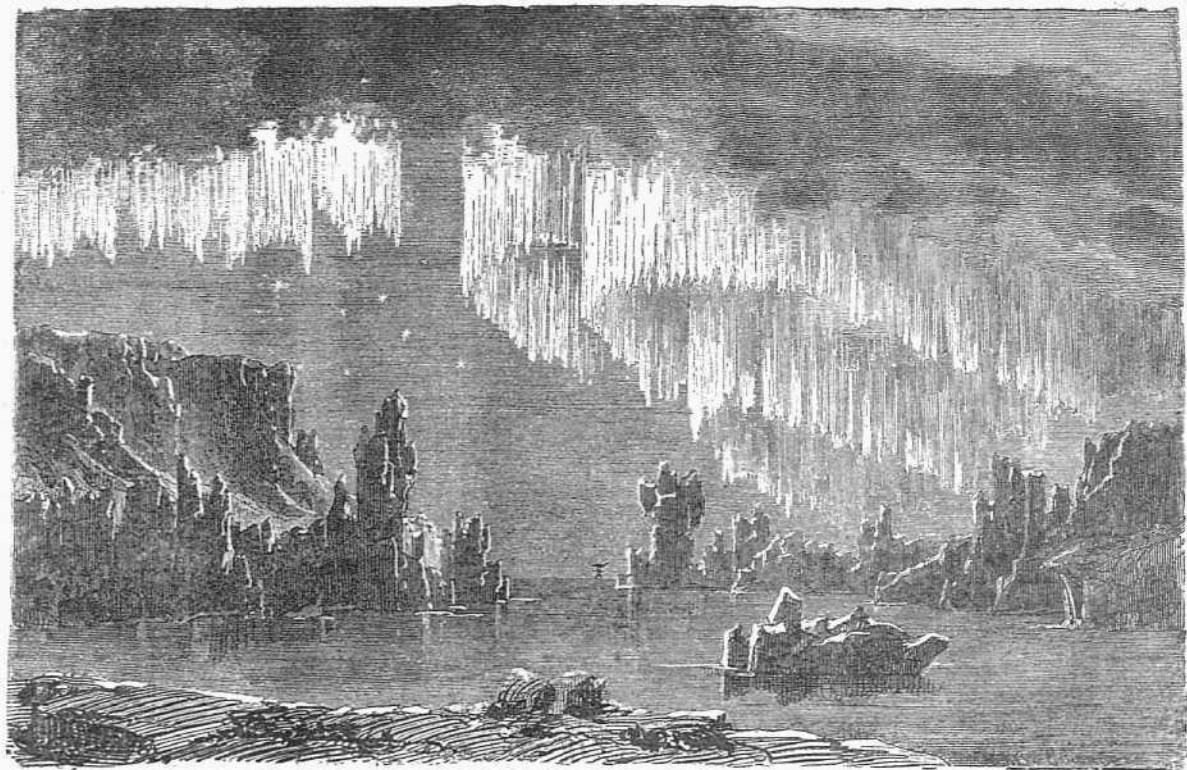

Рис. 13.—Сѣверное сіяніе лентой.

на море; снѣжныя равнины блестятъ и искрятся, а вер-
хушки ледяныхъ горъ играютъ, какъ алмазъ и самоцвѣт-
ные камни...

Рис. 14.—Сѣверное сіяніе змѣй.

Ученые думаютъ, что свѣтъ сѣверныхъ сіяній схожъ
съ тѣмъ свѣтомъ, который сверкаетъ въ молніяхъ во время
грозы. Въ ледяномъ царствѣ не бываетъ настоящихъ грозъ
съ громомъ и настоящими молніями. Грозы тамъ безшум-

ныя, и во время такихъ грозъ на небѣ блещутъ не молніи, а сѣверныя сіянія *).

Повторимъ вкратцѣ все, чтѣ мы узнали до сихъ поръ о царствѣ льдовъ.

Это царство лежитъ на дальнемъ сѣверѣ. Середину его занимаетъ сѣверный полюсъ, гдѣ не бывалъ еще ни одинъ человѣкъ. Вкругъ сѣвернаго полюса расположенъ Ледовитый океанъ. Берегами ему служатъ—сѣверная полоса Европы, Азии и Америки. Воды Ледовитаго океана сообщаются съ водами Великаго и Западнаго-Атлантическаго океановъ. Среди Ледовитаго океана лежитъ множество большихъ и малыхъ острововъ. Большая часть этихъ острововъ покрыта горами, а въ горахъ находятся громадныя ледники. Многіе изъ ледниковъ спускаются въ море. Ледъ отъ нихъ отламывается и пускается плавать по океану въ видѣ ледяныхъ горъ или айсберговъ (не русское слово). Но кромѣ айсберговъ, *которые образовались изъ оледенѣвшаго снѣга*, въ Ледовитомъ океанѣ лежатъ обширныя ледяныя поля. *Эти поля образуются изъ замерзшей морской воды*. Не нужно думать, что Ледовитый океанъ *весь сплошь* покрытъ ледяною корой. Въ немъ много такихъ мѣстъ, гдѣ вода и лѣтомъ, и зимою свободна отъ льдовъ: да иначе какъ же можно было бы здѣсь плавать на лодкахъ, корабляхъ и пароходахъ? Изъ жаркихъ странъ земли вода широкою полосой течетъ въ царство льдовъ. Она много теплѣе воды Ледовитаго океана. Поэтому-то Ледовитый океанъ не вездѣ замерзаетъ. Тутъ есть впрочемъ и другая причина. *Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ледовитый океанъ побурнѣе*, вода въ немъ также рѣдко замерзаетъ: волненіе моря мѣшаетъ замерзанію...

*) О сѣверныхъ сіяніяхъ подробнѣе смотри въ моей книжкѣ: «Вичи земли и чудеса природы».

IV.

Бѣлошкурый медвѣдь.

Среди немногихъ породъ животныхъ, которыя встрѣчаются на дальнемъ сѣверѣ, первое мѣсто, по части принадлежитъ бѣлошкурому медвѣдю. Этотъ звѣрь приходится сродни нашему медвѣдю. Онъ такой же большой, такъ же силенъ и порою грозенъ, какъ и мишка родныхъ намъ краевъ. Будучи кореннымъ жителемъ ледяного царства, бѣлый медвѣдь чувствуетъ себя хорошо только среди снѣжныхъ равнинъ и ледяныхъ полей. Всѣмъ обликомъ своимъ и всѣмъ складомъ своей жизни онъ приноровился къ климату ледяного царства. Природа надѣлила его теплымъ бѣлымъ мѣхомъ, и эта шуба не только защищаетъ его отъ сильныхъ морозовъ, но позволяетъ укрыться въ время и отъ врага и отъ добычи. Въ придачу къ шубѣ онъ получилъ сильныя лапы съ острыми когтями, хорошее чутье и тонкій слухъ, которые помогаютъ ему выслѣживать добычу и сторониться отъ врага, да еще острые-преострые зубы — надежное орудіе для нападенія и самообороны.

Нрава онъ суроваго, выносливъ, смышленъ, хитеръ, задоренъ, а иногда прямо-таки отваженъ, до дерзости отваженъ. Все это позволяетъ ему быть отличнымъ хищникомъ. Пища бѣлаго медвѣдя мясная. Онъ охотится и на рыбу и на звѣря. Тюлени составляютъ его излюбленное кушанье. Во время охоты на тюленей медвѣдь обпаруживаетъ все свое искусство и хитрость. Тюлень — животное осторожное, и потому изловить его довольно трудно. Завидѣвши издали на льду добычу, медвѣдь ложится на брюхо и медленно подползаетъ къ тюленю. Тюлень, повидимому, спитъ, но

спитъ очень чутко и каждую минуту просыпается, приподнимаетъ голову, озирается кругомъ и вновь начинаетъ дремать. Пока добыча смотритъ по сторонамъ, хищникъ не

Рис. 15.—Бѣлые медвѣди.

двигается, лежитъ, прижавшись къ снѣгу или льдинѣ; когда-же тюлень, успокоившись, опять задремлетъ, медвѣдь подвигается къ нему все ближе и ближе. Наконецъ добыча уже почти подъ носомъ: медвѣдь выпрямляется, дѣлаетъ

два-три скачка и... тюлень у него въ лапахъ. Въ случаѣ неудачи мишка неособенно унываетъ. На дворѣ стоитъ лѣто, значить, всякой добычи много, не то, что зимой, когда приходится цѣлыми днями искать ее и все-же оставаться чистенько ни съ чѣмъ. Медвѣдь идетъ по льдинѣ къ морю и пускается вплавь. А плавать онъ—охотникъ; иной разъ верстъ десять отмахнетъ, и ничего — способенъ плыть и дальше. У него на лапахъ между пальцами есть даже перепонки, точно у гуся или утки; а это, какъ извѣстно, очень помогаетъ разгрести воду. Куда-же онъ плыветъ? На ближайшую льдину, гдѣ онъ разглядѣлъ стадо тюленей и рассчитываетъ поживиться. Плыветъ онъ быстро, но осторожно: гдѣ нырнетъ подъ воду, а гдѣ идетъ впередъ, высунувши надъ водою лишь голову, чтобы можно было дышать. Завидя своего врага, тюлени часто разбѣгаются, ныряютъ въ проруби или бросаются съ берега въ море. Медвѣдь тогда пускается за ними въ догонку и прибѣгаетъ къ хитрости. Боясь не догнать въ водѣ намѣченнаго тюленя, онъ на время ныряетъ и плыветъ подъ водою; тюлень-же, не видя болѣе хищника, успокаивается и начинаетъ плыть медленно. Этимъ то и пользуется бѣлошкурый разбойникъ. Онъ незамѣтно подплываетъ подъ водою къ преслѣдуемому животному и хватаетъ его снизу. Охота длится иногда долго, но цѣль все-же достигается, и медвѣдь съ добычею въ когтяхъ возвращается обратно къ льдинѣ.

Бѣлые медвѣди часто лакомятся маленькими тюленями и ловятъ ихъ безъ особаго труда. Для этого они разыскиваютъ свѣжныя кучи, въ которыхъ тюлени-самки прячутъ обыкновенно своихъ дѣтенышей. Найдя подходящую кучу, медвѣдь ложится на нее всею своей тушей: свѣжный бугоръ проваливается, хищникъ начинаетъ шарить лапой въ открывшемся гнѣздѣ и вскорѣ вытаскиваетъ оттуда малыша. При этомъ случается и такъ, что мать идетъ на выручку

къ дѣтенышу и въ свою очередь попадаетъ въ лапы коварнаго хищника.

Такъ-же искусно охотится медвѣдь и на рыбу. Если охота ведется недалеко отъ устья какой-нибудь рѣки, впадающей въ Ледовитый океанъ, то медвѣдь загоняетъ рыбу изъ моря въ устье и тутъ уже ловить ее по нѣсколько штукъ заразъ.

Самый опасный врагъ бѣлаго медвѣдя — это человѣкъ. Люди, путешествующіе по ледяному царству, охотятся на бѣлыхъ медвѣдей съ цѣлю воспользоваться ихъ мясомъ и теплою шкурой. Ихъ бьютъ и ружьями, и рогатиной. Зимой бѣлый медвѣдь часто и самъ нарывается на опасность. Бродя по льдинамъ и снѣжнымъ равнинамъ, онъ приближается къ мѣсту стоянки путешественниковъ въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь около нихъ. Долгія голодовки придаютъ ему отвагу; онъ подбирается тогда къ судамъ и жилищу людей, хватая все, что плохо лежитъ, и спѣшитъ укрыться куда-нибудь за льдину, чтобы утолить мучительное чувство голода. Замѣтивши хищника, охотники натравливаютъ на него цѣлую свору собакъ, сами хватаются за оружіе и пускаются въ погоню за звѣремъ. Медвѣдь вначалѣ благородно отступаетъ. Когда же увидитъ, что отступление уже немыслимо, онъ останавливается, подымается на дыбы, злобно рычитъ, отгрызается отъ собакъ, то хватая ихъ зубами, то отбиваясь лапами. Раненный пулей, онъ разъяряется окончательно и, ничего не помня отъ злости и причиненной ему боли, бросается на охотника. Вотъ въ такія-то минуты бѣлый медвѣдь особенно опасенъ. Одинъ неосторожный шагъ, — и охотникъ можетъ очутиться подъ медвѣдемъ, который станетъ мять его и грызть...

Сильно проголодавшійся медвѣдь рѣшается нападать на человѣка даже тогда, когда тотъ и не думаетъ его преслѣдовать. Съ Нансеномъ, о которомъ я уже нѣсколько разъ

упоминалъ, произошелъ однажды такой случай. Онъ и спутникъ его Йогансенъ, послѣ долгой и утомительной ходьбы по ледяному полю, добрались наконецъ до канавы, черезъ которую имъ нужно было переплыть на каякахъ, т. е. на лодкахъ. Въ то время, какъ они стали готовиться къ отплытію, къ нимъ незамѣтно подошелъ громадный бѣлый медвѣдь и спрятался за ледяною глыбой. «Когда Йогансенъ, — такъ рассказываетъ Нансенъ, — ничего не подозрѣвая, вернулся и наклонился, чтобы взять веревку отъ саней, то онъ увидалъ звѣря, притаившагося за каякомъ. Но прежде, чѣмъ онъ сообразилъ, что это за звѣрь, онъ получилъ такой ударъ въ ухо, что у него изъ глазъ искры посыпались, и онъ упалъ на спину. Онъ защищался, сколько могъ, руками, схватилъ звѣря за горло и крикнулъ: «Скорѣе, ружье!» Я обернулся и увидалъ медвѣдя, бросившагося на лежащаго на спинѣ Йогансена. Едва я схватилъ ружье, лежавшее въ чехлѣ наверху каяка, какъ въ ту же минуту каякъ соскользнулъ въ воду. Моя первая мысль была также броситься въ воду и, взобравшись на каякъ, оттуда стрѣлять; но я сообразилъ, что это опасно. Я началъ изо всѣхъ силъ тащить каякъ на ледъ, стараясь въ то же время достать ружье изъ чехла. Оглянуться назадъ я не успѣлъ, какъ вдругъ услышалъ Йогансена, спокойно говорившаго: «Скорѣе, скорѣе стрѣляй, а то будетъ поздно!» О, какъ я торопился!.. Между тѣмъ медвѣдь увидалъ собаку и бросился на нее. Быстрѣе молніи Йогансенъ освободился и отползъ дальше, а медвѣдь такъ ударилъ собаку, что та завyla. Йогансенъ вскочилъ на ноги и бросился доставать свое ружье, торчавшее изъ каяка. Наконецъ и мнѣ удалось схватить за стволъ ружья. Терять времени было нельзя; медвѣдь готовился покончить съ собакой; но я послалъ ему зарядъ въ голову, и онъ упалъ мертвый между нами... Единственное поврежденіе, которое медвѣдь нанесъ Йоган-

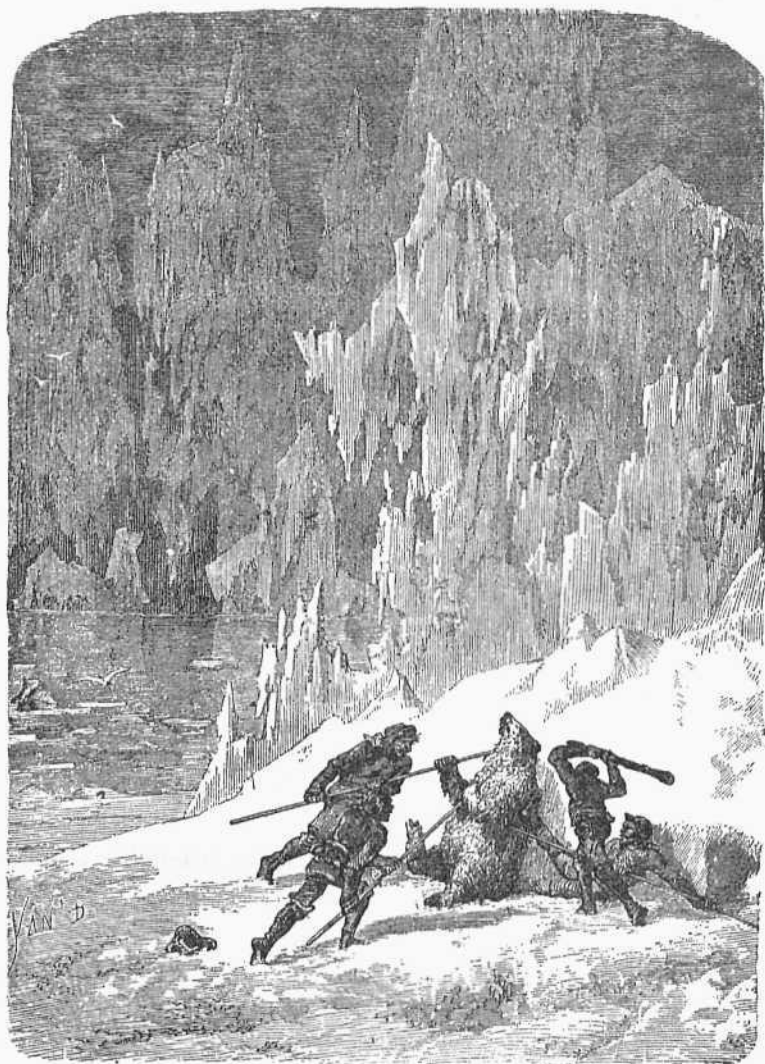

Рис. 16.—Стычка охотниковъ съ медвѣдемъ.

сену, состояло въ томъ, что онъ сцарапалъ ему часть грязи со щеки, такъ что теперь виднѣлась тамъ бѣлая полоска, и слегка поранилъ ему руку»...

Не только голодъ придаетъ отвагу бѣлошкурому медвѣдю. Еще болѣе смѣлымъ онъ выглядитъ тогда, когда ему приходится защищать своихъ дѣтенышей-медвѣжатъ. По этому поводу путешественники приводятъ много любопытныхъ разсказовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Свора собакъ напала на медвѣдицу съ медвѣженкомъ. Мать пустилась было бѣжать къ морю; но, услышавши жалобные крики, оставшаго отъ нея, медвѣженка, тотчасъ же вернулась къ нему на помощь, загребла его въ свои лапы и начала отбиваться отъ собакъ. Собаки не унимались. Ихъ было штукъ двадцать. Онѣ бросались на медвѣдицу—кто спереди, кто сзади—и теребили ее нещадно. Измученная, покрытая ранами, медвѣдица все же храбро защищалась, стараясь въ то же время не дагъ въ обиду малыша, успокоить его, приласкать. Тутъ подбѣжали на помощь собакамъ охотники съ ружьями. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Раненная медвѣдица грохнулась на землю, но тотчасъ же встrepенулась и бросилась къ медвѣженку. Напрасно бѣдная мать, собравши послѣднія силы, лизала своего дѣтеныша, толкала мордой, точно пытаясь подбодрить его, поднять съ мѣста и увести съ собой: медвѣженокъ былъ ужъ мертвъ. Остервенѣвши окончательно, она сбросила съ себя собакъ и кинулась на одного изъ охотниковъ. Плохо пришлось бы ему, еслибъ другіе охотники не подоспѣли въ время на помощь. Грянулъ залпъ изъ нѣсколькихъ ружей, и самоотверженная медвѣдица упала мертвою недалеко отъ своего малыша...

V.

Моржи и тюлени.

Есть на родинѣ бѣлошкураго медвѣдя одно животное, съ которымъ онъ неохотно вступаетъ въ бой, страшась потерпѣть пораженіе. Это—*моржъ*.

Моржъ—животное *млекопитающее*: самка родитъ живыхъ дѣтенышей и вскармливаетъ ихъ своимъ молокомъ. Всѣмъ складомъ своего тѣла моржъ приноровленъ къ жизни въ водѣ: переднія и заднія ноги его походятъ на весла, которыми онъ ловко разгребаетъ воду. Тѣло у него—словно толстый чурбанъ; голова круглая, морда спереди приплюснута и украшена густыми щетинистыми усами; изо рта свѣшиваются два громаднхъ клыка, каждый длиною въ полтора и даже два фута. Клыки—грозное оружіе моржа; ими онъ защищается отъ враговъ.

Береговыя скалы, плавучія льдины и одинокіе, пустынные островки ледяного царства—вотъ любимое мѣсто-пребываніе моржей. Тутъ отдыхаютъ они и грѣются на солнцѣ, стараясь держаться тѣсною гурьбой, или стадомъ. Въ каждомъ стадѣ есть вожакъ—самый рослый, сильный и грозный изъ моржей. Такой вожакъ бываетъ иногда длиною сажени въ двѣ и больше. Онъ слѣдитъ за порядкомъ въ стадѣ и сторожитъ своихъ товарищей въ то время, какъ они отдыхаютъ. Въ случаѣ опасности, онъ подаетъ сигналъ, и тогда все стадо или пускается въ бѣгство, или же наступаетъ дружно на врага. При встрѣчѣ съ непріателемъ вожакъ ведетъ себя отважнѣе всѣхъ и до послѣднихъ силъ защищаетъ своихъ товарищей по стаду.

Дикари, живущіе на дальнемъ сѣверѣ Европы, Азии и Америки, а также и путешественники, забредшіе въ ле-

дяное царство, охотятся на моржей и истребляют ихъ въ большомъ числѣ. Шкура, жиръ, мясо, кровь, клыки моржей, все это очень цѣнится дикарями, и потому они бьютъ моржей острогами и гарпунами. Охота на этихъ звѣрей—дѣло нелегкое и опасное. Раненный моржъ ки-

Рис. 17.—Моржи.

дается съ яростью на человѣка, дерется клыками, ломаетъ направленное въ него оружіе. На сушѣ онъ менѣе грозенъ, потому что здѣсь ему трудно двигаться; зато въ водѣ онъ дѣлается много смѣлѣе; въ водѣ онъ словно рыба: отлично плаваетъ, ныряетъ, бросается съ отвагой на лодку, въ ко-

торой сидятъ охотники, хватаетъ ее передними лапами, стараясь вывернуть въ воду своихъ заклятыхъ враговъ или пробить клыками дно у лодки. Такъ ведутъ себя моржи даже въ одиночку; а въ обществѣ другихъ моржей они преслѣдуютъ охотниковъ съ бѣльшею яростью. Матросамъ не разъ приходилось отбиваться и ружьями, и топорами, и веслами, и баграми отъ многочисленнаго стада моржей. Случалось такъ, что цѣлая армія моржей въ нѣсколько сотенъ головъ обступала со всѣхъ сторонъ шлюпку, на которой находилось десятка два матросовъ, и, подъ ко-

Рис. 18.—Бой матросовъ съ моржами.

малдой своего вожака, поднявъ высоко голову, разинувъ пасть, грозно рыча, они кидались на непріятеля. Тогда загоралась отчаянная схватка. Матросы поднимались съ мѣстью: одинъ хватался за топоръ, другой—за пику, третій—за весло... Мѣшкать было некогда: иначе моржи разбили-бъ въ щепки шлюпку и искалѣчили-бъ всѣхъ сѣдковъ ея. Ружейная пальба, крики матросовъ, удары топоровъ—ничто не смущало нападающихъ. Моржи, видя своихъ раненыхъ товарищей, слыша ихъ ужасные стоны, совсѣмъ теряли голову и шли, что называется, прямо на

рожонъ. Казалось, матросы были на краю гибели, и только смерть моржа-коповода ихъ выручала изъ бѣды. Потерявши въ бою сильнѣйшаго изъ товарищей, моржи обыкновенно оставляли поле сраженія...

Многіе изъ очевидцевъ рассказываютъ, что самки моржей очень привязаны къ своимъ дѣтенышамъ и, въ минуту серьезной опасности, защищаютъ ихъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Укажу для примѣра на слѣдующій рассказъ путешественника Гесса. «Я, говоритъ Гессъ, убилъ маленькаго моржа, который отдыхалъ на берегу моря въ кругу цѣлой стаи взрослыхъ моржей. Вся стая мигомъ спряталась подъ водой, но мать убитаго сейчасъ же вынырнула и, не взирая на опасность, направилась къ дѣтенышу. Издавая стоны, она выползла на берегъ, у самыхъ моихъ ногъ, приблизилась къ моей жертвѣ и начала подталкивать ее къ водѣ. Я пробовалъ пугать ее, даже выстрѣлилъ въ нее изъ винтовки, но, жестоко раненная, она все-таки нашла силы прижать къ груди дѣтеныша и скатилась съ нимъ въ море».

Насколько могутъ быть страшны моржи, настолько же безобидны *тюлени*.

Неуклюжій и неповоротливый на сушѣ, тюлень, подобно моржу, отлично чувствуетъ себя только въ водѣ. Переднія лапы у него—все одно, что весла, а заднія вытянуты на подобіе двойного рыбаго хвоста. Тѣло тюленя также походитъ нѣсколько на рыбу. Шкура его покрыта короткою густою шерстью, а подъ шкурой—толстый слой жиру, который помогаетъ ему легко держаться на водѣ. Своими ногами онъ работаетъ ничуть не хуже, чѣмъ рыба плавниками, и потому отлично плаваетъ и на поверхности воды, и подъ водой. Нырнувши, онъ можетъ пребыть подъ водою минутъ 5 и больше; а чтобы не задохнуться, тюлень зажимаетъ плотно уши и поздри прежде, чѣмъ погрузится глу-

боко въ воду. Въ водѣ онъ ищетъ себѣ пишу—ловить рыбъ, раковъ, слизняковъ—рѣзвится, забавляется; а отдохнуть—выходить на берегъ или на льдину. Тутъ онъ или лежитъ спокойно, или же переползаетъ съ мѣста на мѣсто, ища себѣ пристанище поудобнѣе. Смѣшно смотрѣть, какъ онъ двигается, — совсѣмъ точно калѣка: пыхтитъ, фыркаетъ, подталкиваетъ себя впередъ то передними, то задними ногами, то головой; впрочемъ иногда онъ все-же взбирается на высокую льдину или на крутой берегъ; а случись надобность—онъ можетъ даже «побѣжать»: приподымется, понатужится, свернется кольцомъ и сдѣлаетъ нѣсколько прыжковъ, а тамъ опять весь скорчится, соберется съ силами и снова подвинется впередъ на нѣсколько скачковъ. Но это ужъ не скачка, а сущая мука.

Особенно любопытны у тюленей семейные порядки. Въ брачную пору тюлени выползаютъ на долгое время на берегъ, и при этомъ каждый взрослый и сильный самецъ обзаводится нѣсколькими самками.

Какъ это происходитъ—выслушать не безъинтересно. Воспользуюсь прекраснымъ рассказомъ одного англійскаго путешественника, Джоель Аллена, который хорошо освѣдомленъ на счетъ семейныхъ порядковъ и обычаевъ тюленей.

Вотъ что примѣрно описываетъ Джоель Алленъ.

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ ледяномъ царствѣ устанавливается лѣтняя погода. Къ этому времени цѣлыя толпы тюленей самцовъ выходятъ на берегъ и выбираютъ подходящія мѣста для стоянки. Самокъ еще нѣтъ: онѣ придутъ позже, недѣли черезъ двѣ или три, когда самцы упрочатся на своихъ мѣстахъ. А мѣста эти приходится брать съ бою: каждому самцу хочется устроиться поудобнѣе и, главное, поближе къ морю, чтобъ въ-время замѣтить самокъ, пойти къ нимъ навстрѣчу и приволочь ихъ

въ свои владѣнія. Первые изъ появившихся самцовъ занимаютъ береговую линію. У каждого имѣется свой участокъ величиною въ десять-пятнадцать квадратныхъ футовъ. Но не велика важность занять участокъ: надо удержать его за собою. А это дѣло трудное. За первой партіей самцовъ, расположившихся вдоль берега, показывается вторая партія, которой также хочется занять мѣста у самого моря. И

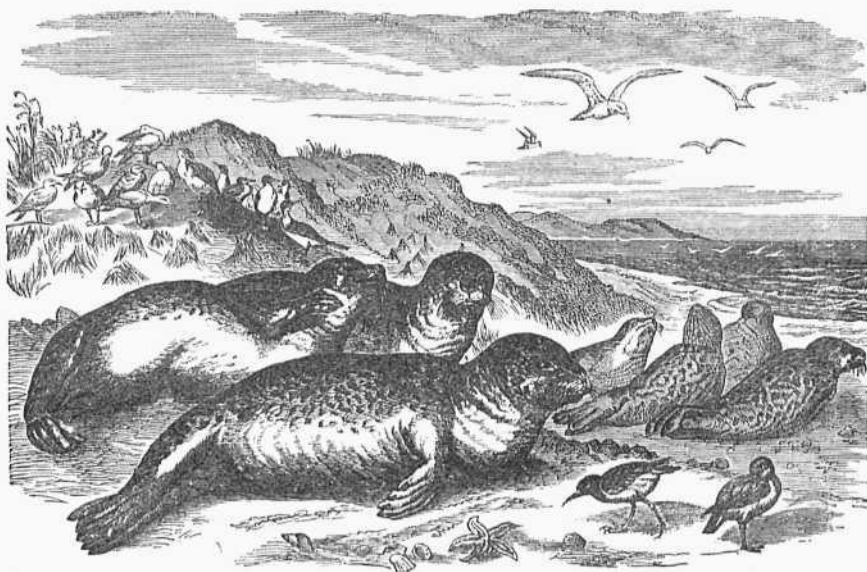

Рис. 19. Тюлени.

вотъ тутъ то начинается отчаянная свалка изъ за мѣсть. Самцы дерутся не на животъ, а на смерть—долго, отчаянно, жестоко. Закинувши голову кверху, разинувъ пасть и испуская боевые крики, соперники бросаются другъ на друга, ревуть, свистятъ, корчатся, раздуваются отъ ярости и наносятъ одинъ другому удары острыми зубами. Бой кончается тѣмъ, что побѣдители остаются въ первомъ ряду,

а побѣжденные уходятъ дальше. Но не успѣютъ тюлени порядкомъ успокоиться, какъ къ берегу пристаётъ новая партія грозныхъ воиновъ. Опять поднимаются воинственные клики, опять завязывается кровавая стычка. Такъ эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока большинство самцовъ не найдетъ для себя подходящихъ мѣстъ. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ выказываютъ удивительную стойкость и силу. «Я, говоритъ нашъ путешественникъ, замѣтилъ одного стараго самца, который занялъ мѣсто у самой воды однимъ изъ первыхъ; онъ вышелъ побѣдителемъ, но крайней мѣрѣ, изъ пятидесяти или шестидесяти отчаянныхъ битвъ съ разными тюленями, живидовавшими его мѣсту; и, когда время дракъ окончилось, я видѣлъ его, покрытаго ранами и шрамами, ободраннаго и окровавленнаго, съ выбитымъ глазомъ, но храбро оберегающаго свою семью изъ пятнадцати или двадцати самокъ, толпившихся на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ выбралъ съ самаго начала».

Наконецъ близъ берега показываются самки. Стоящія въ первомъ ряду самцы идутъ къ нимъ навстрѣчу, сперва привѣтствуютъ и ласкаютъ своихъ будущихъ подругъ, а затѣмъ довольно грубо и безцеремонно гонять ихъ на берегъ, причемъ каждый изъ самцовъ старается залучить къ себѣ на стоянку побольше самокъ. Самцы выпележащихъ рядовъ тѣмъ временемъ слѣдятъ внимательно за всѣмъ, что дѣлается подлѣ нихъ. Стоить только какому-нибудь изъ перворядныхъ самцовъ зазѣваться, сосѣди ихъ тотчасъ же бросаются на самокъ и силятся перетащить ихъ въ свои владѣнія. Вновь подымается отчаянная свалка. Несчастную самку теребятъ со всѣхъ сторонъ, и дѣло кончается тѣмъ, что наиболѣе сильный вояка хватается ее за загривокъ, какъ кошка котенка, подымаетъ надъ головой и переноситъ ее къ себѣ... Такая же возня идетъ почти на всѣхъ мѣстахъ,

занятых тюленями, до тѣхъ поръ, пока страсти не улягутся и большая часть самцовъ не обзаведется своими семьями.

Каждый самецъ въ своей семьѣ—полновластный хозяинъ. Онъ обращается со своими женами, какъ съ рабынями; но надо отдать ему справедливость—онъ и охраняетъ семью изо всѣхъ силъ: не спитъ, не ѣстъ, не покидаетъ ни на минуту своихъ владѣній и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы никто не похитилъ его подругъ и не обидѣлъ ихъ. «Я, говорить Джоель Алленъ, много разъ пробовалъ прогонять тюленей-самцовъ послѣ того, какъ они окончательнo основались на своемъ мѣстѣ, и почти никогда мнѣ это не удавалось: я швырялъ въ нихъ камнями, шумѣлъ и стучалъ, какъ только могъ; наконецъ, разъ, желая вполнѣ испытать ихъ храбрость, я подошелъ близко къ одному самцу и изъ своей двухстволки сталъ осыпать его горчичными сѣменами и пескомъ. Несмотря на шумъ, на запахъ пороха и на боль, поведеніе тюленя не измѣнилось: онъ кидался направо и налево, хваталъ самокъ, дѣлавшихъ робкія попытки бѣжать при каждомъ выстрѣлѣ, и водворялъ ихъ на прежнія мѣста; потомъ, вытянувшись во всю свою вышину, онъ съ вызовомъ глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо и при этомъ немилосердно ревѣлъ и плевался. Самки его скоро разбѣжались, но онъ продолжалъ отстаивать свои владѣнія; отъ времени до времени съ помощью ряда скачковъ онъ дѣлалъ въ мою сторону небольшія вылазки, неистово плевался и затѣмъ удалялся на прежнее мѣсто. Съ этого мѣста согнать его не было возможности: онъ, видимо, твердо рѣшился удержать его за собою или умереть»...

Несмотря на такую отвагу, тюлень въ общемъ очень мирное и кроткое созданіе, а по отношенію къ человѣку онъ совершенно беззащитенъ. Люди истребляютъ тюленей нещадно тысячами и десятками тысячъ. Охота на тюленей—

одна изъ самыхъ варварскихъ, звѣрскихъ охотъ: это скорѣе дикая, безчеловѣчная бойня, чѣмъ настоящая охота.

Охотники не считаютъ нужнымъ тратить на тюленей порохъ и пули: они ихъ бьютъ прямо рогатинами и дубинками. Передъ вами, на рисункѣ, одна изъ такихъ гнус-

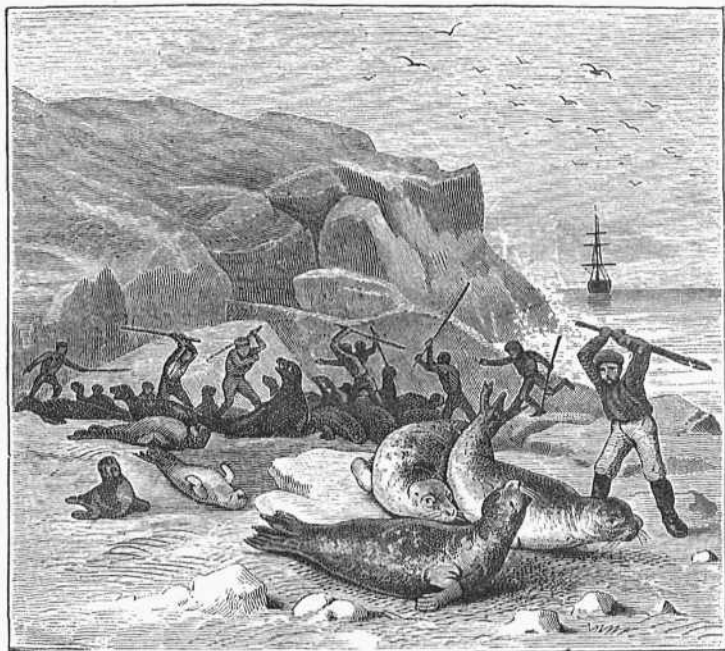

Рис. 20. - Охота на тюленей.

ныхъ охотъ: матросы, вооруженные дубинками, избиваютъ тюленей, вышедшихъ отдохнуть на берегу.

Дикари, живущіе въ странѣ снѣговъ и нескончаемой стужи, убиваютъ тюленей, потому что иной, болѣе полезной дичи, у нихъ подъ руками мало: мясо тюленей они употребляютъ въ пищу, сало пускаютъ въ ходъ для освѣ-

щенія своихъ хижинъ и какъ топливо, изъ шкуръ пьютъ себѣ одежду и строятъ шатры; а люди образованныхъ странъ промышляютъ тюленьимъ жиромъ и шкурами.

Чтобы вы могли представить себѣ, какое множество тюленей истребляется ежегодно людьми, приведу такой примѣръ: въ 1875 г. пѣсколько торговыхъ судовъ за два мѣсяца добыло около *сорока семи тысячъ* тюленей; шкуры и сало, полученные отъ этихъ тюленей, были проданы за *пятьсотъ* слишкомъ *тысячъ* рублей!

VI.

Еще объ обитателяхъ ледяного царства.

Всякій, побывавшій хоть разъ въ царствѣ льдовъ, говоритъ, что тамъ очень много лисицъ. Однако эти лисицы не совсѣмъ похожи на тѣхъ, что водятся въ нашихъ краяхъ. Онѣ прежде всего меньше нашихъ лисицъ, да къ тому же и шерсть у нихъ иная. Мѣхъ сѣверной или полярной (отъ слова «полюсь») лисицы *лѣтомъ* рыжеватаго или грязно-сѣраго цвѣта; *зимою же* онъ совершенно бѣлый или сиватый.

Нельзя сказать, чтобъ этимъ хищникамъ жилось весело на дальнемъ сѣверѣ. Лѣтомъ у нихъ пищи достаточно: они охотятся за пеструшками (небольшіе звѣрьки величиною съ крысу), зайцами и различными птицами; зимою же для нихъ настаетъ «великій постъ». Птицы улетѣли въ теплые края, пеструшки, собравшись тѣсною гурьбой, также сбѣжали на югъ, въ надеждѣ найти тамъ для себя подходящій кормъ, зайцы исчезли; холодное царство, словомъ, опустѣло. Бѣдныя лисицы—голодныя, исхудалыя—рыщутъ по снѣжнымъ полямъ и льдинамъ, жалобно воютъ, подбираютъ

остатки отъ трапезы бѣлаго медвѣдя, жадно нюхаютъ воздухъ, заглядываютъ въ проруби, изъ которыхъ по временамъ высовываются тюлени, но не рѣшаются къ нимъ подойти, такъ какъ чувствуютъ, что съ тюленемъ имъ не справиться. Такъ тянутся дни за днями, а пищи все нѣтъ да нѣтъ. Нужда дѣлаетъ лисицъ назойливыми и смѣлыми. Онѣ рѣшаются подходить близко къ судамъ путешественниковъ и жилищу дикарей, стараясь стянуть все, что плохо лежитъ: запасы пищи, звѣриныя шкуры, одежду, обувь, упряжь отъ саней и т. п.

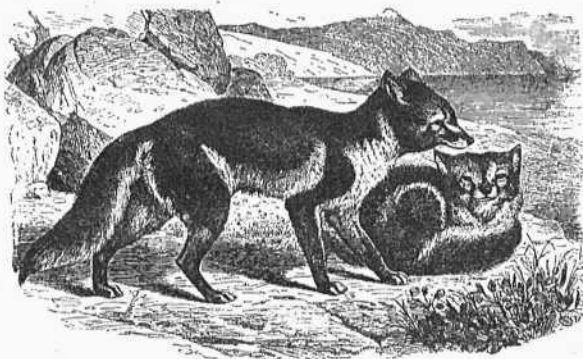

Рис. 21.—Полярная лисица.

«Продѣлки сѣверныхъ лисицъ,—разсказываетъ одинъ путешественникъ,—превосходили даже хитрость обезьянъ; онѣ проникали днемъ и ночью въ наши жилища, воруя мѣшки, ботинки, чулки,—все, до ножей и палокъ включительно. Онѣ такъ ловко доставали изъ бочекъ куски мяса, что вначалѣ мы даже и не подозрѣвали объ этомъ. Если случалось намъ потрошить на воздухъ какое-нибудь животное, лисицы нерѣдко вырывали изъ рукъ провизію, за что мы ихъ тотчасъ-же убивали ножомъ. Куда бы мы ни запрятали дичь, какъ бы ни заваливали то мѣ-

сто камнями, лисицы всюду проникали и, помогая другъ другу, разрушали наши сооруженія; мы пробовали класть провизію на столбы, но хитрыя животныя или подкапывали ихъ основаніе, или, подобно кошкамъ, карабкались на нихъ, достигали вершины и сбрасывали оттуда весь провіантъ. Ночью, во время нашего сна, лисицы стаскивали съ насъ звѣриныя пкуры, служившія одѣялами, шапки, рукавицы. Наконецъ, это намъ такъ надоѣло, что мы рѣшили безъ сожалѣнія убивать ихъ, чѣмъ попало. Мы протягивали имъ кусокъ говядины и, когда онѣ подбѣгали къ намъ, ударяли ихъ другой рукой топоромъ; или же, стоя около мертвaго тюленя, мы дѣлали видъ, что не замѣчаемъ подходящихъ лисицъ и, когда тѣ принимались ѣсть, мы ихъ убивали палками. За все мое пребываніе тамъ я одинъ убилъ ихъ двѣсти штукъ».

У полярной лисицы, какъ сказано было раньше, имѣется двоякаго рода одѣяніе: одно—лѣтнее, другое—зимнее. Зимній костюмъ ея по большей части бѣлый, совсѣмъ подъ цвѣтъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ей приходится влачить свое существованіе. Нужно ли прибавлять, что *бѣлая* шуба оказываетъ лисицѣ немаловажную услугу? Шатаясь цѣлые дни по снѣгу и среди бѣлыхъ льдинъ, лисица имѣетъ возможность остаться незамѣченной въ тѣхъ случаяхъ, когда ей это нужно.

Положимъ, что бѣлошкурая лисица старается спрятаться отъ преслѣдующаго ее охотника. Стоитъ ей растянуться на снѣгу или же примоститься гдѣ-нибудь за льдиной, и охотникъ, быть можетъ, пройдетъ мимо, не замѣтивши лисицы. Если же лисица сама подстерегаетъ дичь, то и тутъ ей на помощь можетъ придти ея бѣлое одѣяніе: на бѣломъ бѣлое трудно замѣтить; поэтому лисица можетъ незамѣтно подкрасться къ своей добычѣ и схватить ее.

Въ снѣжныхъ равнинахъ Сѣв. Америки и Азіи встрѣчаются и другія животныя, у которыхъ цвѣтъ одѣянія вполне подходитъ къ цвѣту окружающей ихъ обстановки. Тутъ вы можете наткнуться на стадо *бѣлыхъ* куропатокъ или же спугнуть невзначай *бѣлаго* зайца; тутъ водятся *бѣлыя* совы, *бѣлые* соколы и небольшія птички — *снѣжные* подорожники, прозванные такъ за цвѣтъ своихъ перьевъ. Всѣ эти обитатели холодныхъ странъ довольно удачно пользуются своимъ бѣлоснѣжнымъ нарядомъ: кто для того, чтобы незамѣтно подкрасться къ добычѣ, а кто съ цѣлью укрыться отъ враговъ. Ясно, что окраска, сходная съ цвѣтомъ окружающей обстановки, *охраняетъ* однихъ животныхъ и помогаетъ другимъ разыскивать добычу, какъ бы *покровительствуетъ* имъ; вотъ почему въ наукѣ такая окраска называется *предохранительной* или *покровительственной окраской*...

Вернемся однако къ обитателямъ ледяного царства. Въ 1770 году русскій купецъ Ляховъ открылъ у сѣверныхъ береговъ Сибири кучку острововъ, которые онъ окрестилъ именемъ *костистыхъ острововъ*. Дѣло въ томъ, что въ почвѣ этихъ острововъ подъ снѣгомъ и ледяными глыбами было найдено множество костей какихъ-то животныхъ. Тутъ были и кости ногъ, и громадныя черепа, схожіе съ черепами дикихъ буйволовъ-бизоновъ, и костяныя рога, совершенно такіе, какъ у носороговъ, и чудовищныя зубы, напоминающіе собою клыки слоновъ, только болѣе крупныя, чѣмъ у слоновъ. Все это наводило на мысль, что здѣсь нѣкогда, быть ожетъ, много вѣковъ тому назадъ, жили какія-то чудовища, похожія на слоновъ. Современемъ эта догадка подтвердилась, и вотъ какимъ образомъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ 1799 г. одинъ тунгузскій рыбакъ, занимаясь рыбною ловлей на берегу Ледовитаго океана, замѣтилъ возлѣ устья рѣки Лены большущую ледяную глыбу, которая выдѣлялась своею формой среди

остальныхъ ледяныхъ глыбъ. Тунгузъ осмотрѣлъ внимательно глыбу и, не нашедши въ ней пока ничего особеннаго, вернулся къ своему обычному занятію. Года черезъ два ему вновь пришлось ловить рыбу подлѣ этой странной

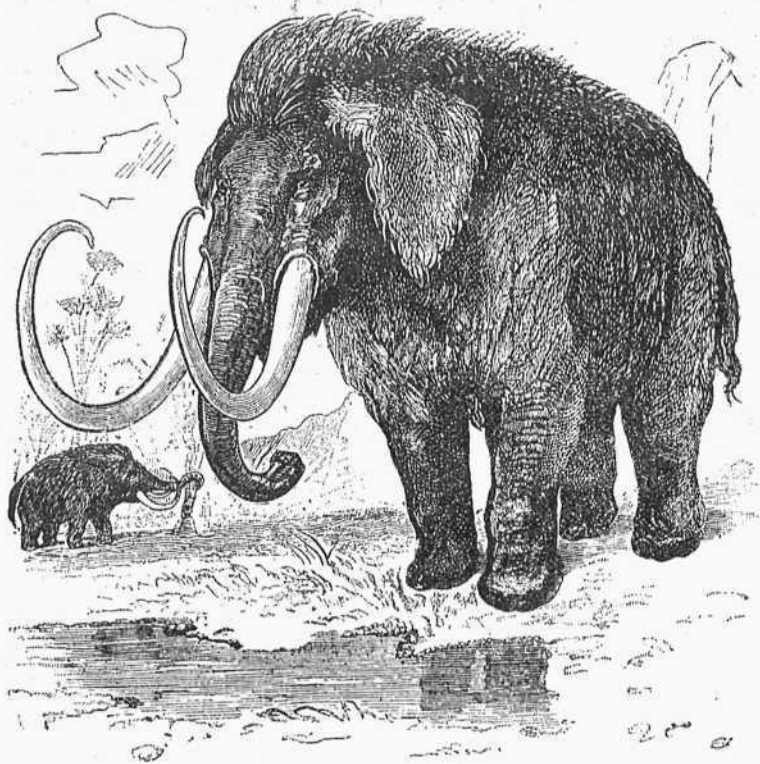

Рис. 22.—Мамонтъ.

глыбы. Тутъ тунгузъ замѣтилъ, что изъ подъ глыбы выглядываетъ громадный клыкъ и спина какого-то чудовища. Но и на этотъ разъ тунгузъ не придалъ своей находкѣ особеннаго значенія. Прошло еще три года. Рыбакъ опять вернулся къ ледяной глыбѣ. Но ея ужъ не было: ледъ

весь стоялъ, и вмѣсто него на землѣ лежало огромнѣйшее животное. Голова его очень походила на голову слона, но только была гораздо больше, чѣмъ у слона; изъ рта торчали два мощныхъ, загнутыхъ къ верху, клыка, каждый длиною аршина въ четыре; все тѣло было покрыто черною щетиной и шерстью бураго цвѣта; на шеѣ красовалась длинная грива. Чудовище было, разумѣется, мертво: Богъ вѣдаетъ, сколько вѣковъ пришлось лежать

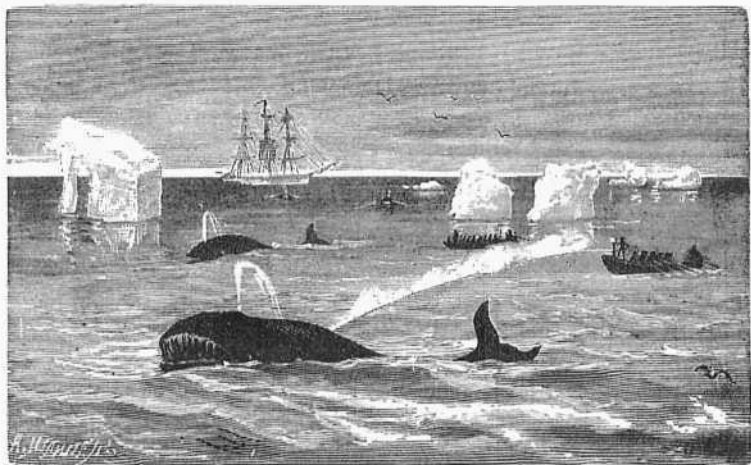

Рис. 23.—Китъ.

ему подъ снѣгомъ; но, несмотря на это, оно выглядѣло такъ, точно не прошло и нѣсколькихъ дней съ тѣхъ поръ, какъ оно скончалось: снѣга и морозы сохранили его въ цѣлости. Это было въ 1804 году, а два года спустя, одинъ русскій ученый, будучи въ Якутскѣ, узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что у устья Лены лежитъ трупъ невиданнаго дотолѣ звѣря, и отправился, чтобъ посмотреть его. Звѣрь лежалъ на прежнемъ мѣстѣ, но

только былъ уже значительно попорченъ. Мясо частью разложилось, частью было растаскано бѣлыми медвѣдями и собаками; шкура, шерсть и щетина мѣстами совершенно расползлись; впрочемъ весь скелетъ остался цѣль и невредимъ. Скелетъ повезли въ Петербургъ, гдѣ и стоитъ онъ по сіе время въ зданіи Академіи наукъ. Лѣтъ тридцать пять тому назадъ на берегахъ рѣки Енисея нашли другого *мамонта*—такъ называется это четвероногое чудовище изъ млекопитающихъ, близкій родичъ слона. Сейчасъ нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ мамонтовъ; но, какъ видно, было время, когда они водились въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь царятъ лишь снѣга да нестерпимые морозы. Впрочемъ въ царствѣ льдовъ и сейчасъ встрѣчаются такіе великаны, по сравненію съ которыми мамонты—ничто. Я говорю о китахъ...

VII.

Фритіофъ Нансенъ.

Не легко далось людямъ знакомство съ царствомъ льдовъ. Много трудовъ, лишеній и страданій выпало на долю отважныхъ путешественниковъ, отправившихся въ невѣдомый суровый край съ цѣлью изучить его; одни изъ нихъ остались на вѣки въ странѣ снѣговъ и нескончаемой стужи; другіе, послѣ долгихъ испытаній, вернулись благополучно назадъ и рассказали міру все то, что видѣли они въ царствѣ льдовъ. Въ числу счастливыхъ, вернувшихся домой, относится и знаменитый норвежскій путешественникъ, *Фритіофъ Нансенъ*. О немъ то мнѣ и хочется теперь побесѣдовать съ читателемъ.

На сѣверѣ Европы есть большой полуостровъ, назы-

ваемый Скадинавскимъ; на этомъ полуостровѣ находятся два государства—Швеція и Норвегія. Норвежцы издавна славятся, какъ смѣлые, безстрашные мореплаватели. Нансенъ еще болѣе упрочилъ за ними эту славу. Еще въ ран-

Рис. 24.—Фритіофъ Нансенъ.

ней молодости онъ совершилъ путешествіе по Ледовитому океану на промысловомъ суднѣ, а въ 1888 году, когда ему было 24 года, онъ отправился въ Гренландію и прошелъ большую часть этого острова на лыжахъ. Страсть къ путе-

шествіямъ въ немъ разгоралась. Мысль пробраться на дальній сѣверъ, —туда, куда не проникалъ еще ни одинъ человѣкъ, все неотступнѣе и неотступнѣе преслѣдовала его. Но какъ идти къ сѣверному полюсу? Пути къ нему неизвѣстны. Всѣ путешественники, стремившіеся дойти до полюса, потерпѣли неудачу и должны были съ полдороги возвращаться назадъ; а кто былъ посмѣлѣе, тотъ... погибъ безъ вѣсти. Лды, безконечные, неодолимые лды — вотъ главное препятствіе для всѣхъ, пытавшихся дойти до полюса. Какъ устоять отъ грознаго напора ихъ? Какъ бороться съ ними? Не безумно-ли идти на вѣрную гибель? Все это отлично зналъ Нансенъ; все это онъ тысячу разъ передумалъ и однако не отрѣшился отъ своей мысли. Разсчеты у него были совсѣмъ особенные.

Нансенъ зналъ, что къ восточнымъ берегамъ Гренландіи не разъ приставали стволы и сучья хвойныхъ деревьевъ, растущихъ въ Сибири. Спрашивается, какимъ образомъ эти стволы могли очутиться у береговъ Гренландіи? Нансенъ рассуждалъ такъ: великія сибирскія рѣки, Енисей и Лена, приносили стволы деревьевъ въ Ледовитый океанъ; тутъ эти стволы попадали на льдины, а льдины, плывя по океану, пригоняли ихъ уже къ берегамъ Гренландіи. Отсюда Нансенъ заключилъ, что вода въ Ледовитомъ океанѣ, начиная отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, движется широкою полою на сѣверъ, затѣмъ проходить, *по всей вѣроятности*, черезъ полюсъ и наконецъ заворачиваетъ на югъ къ восточнымъ берегамъ Гренландіи. Одно обстоятельство еще больше укрѣпило Нансена въ этомъ предположеніи. Въ 1881 году въ Ледовитомъ океанѣ пошелъ ко дну корабль «Жаннета», а, года три спустя, у береговъ Гренландіи нашли кой-какіе предметы съ этого корабля. «Жаннета» погибла во льдахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Ново-Сибирскихъ острововъ. Опять можно было спросить: какъ попали эти предметы къ бере-

гамъ Гренландіи? Нансенъ и тутъ рѣшилъ, что они приплыли такъ же, какъ и стволы сибирскихъ деревьевъ.

Итакъ, по мнѣнію Нансена, *съ Ледовитомъ океанъ, гдѣ нибудь между полюсомъ и Землею Франца Иосифа, (см. рис. 3 и 26), проходитъ теченіе, которое начинается у сибирскихъ береговъ и доходитъ до восточнаго берега Гренландіи.* Говоря иначе, приходится предположить слѣдующее: льды, образовавшіеся у береговъ Сибири, направляются на сѣверъ, проходятъ недалеко отъ полюса (а быть можетъ и черезъ самый полюсъ), заворачиваются на югъ и идутъ къ берегамъ Гренландіи. Вотъ этими-то льдами и думалъ воспользоваться Нансенъ. Другіе путешественники—говорилъ онъ—боролись со льдами: льды не давали имъ ходу; я же возьму плавучій ледъ себѣ въ помощники: я направлю свой корабль къ тому мѣсту Ледовитаго океана, гдѣ начинается морское теченіе, идущее къ сѣверу; тутъ мой корабль застрянетъ во льдахъ и вмѣстѣ съ ними поидетъ сперва къ полюсу, потомъ пристанетъ къ Гренландіи, а отсюда ужъ мнѣ не трудно будетъ вернуться домой, въ Норвегію.

Когда Нансенъ объявилъ о своемъ желаніи ѣхать къ сѣверному полюсу и описалъ подробно свой планъ, большая часть ученыхъ и бывалыхъ путешественниковъ отнеслась къ этому плану недовѣрчиво: одни подтрунивали надъ Нансеномъ, называя его то забубенною головушкой, то просто «безумцемъ», другіе тревожно, неодобрительно качали головой. Но знаменитый путешественникъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, добиться своего. Нужны были только деньги, большія деньги, чтобъ снарядить судно и обставить его, какъ слѣдуетъ, для долгаго, опаснаго плаванья. Деньги, какъ и слѣдовало ожидать, нашлись. Норвежскій король, Оскаръ II, счелъ нужнымъ поддержать Нансена. Поддержали его и нѣкоторые ученые общества

да кое-кто изъ частныхъ лицъ. Вскорѣ было собрано свыше *двухсотъ тысячъ* рублей, и Хансенъ сталъ понемногу собираться въ путь. Первымъ дѣломъ приступили къ постройкѣ судна. Лучшіе мастера Норвегіи взялись за это дѣло. Пароходъ былъ сдѣланъ изъ крѣпкаго дуба; внутри его обили пробкою, войлокомъ въ нѣсколько слоевъ и клеенкой—все это для того, чтобъ въ немъ было тепло. Самая форма корабля была придумана такая, чтобы онъ могъ, въ случаѣ надобности, «какъ угорь, выскользнуть изъ объятій льда». Наконецъ судно было готово. Его окрестили именемъ «*Фрамъ*», что значитъ—*впередъ*. Теперь оставалось заготовить всѣмъ нужнымъ для дальняго плаванія и подыскать надежныхъ спутниковъ. Охотниковъ ѣхать съ Хансеномъ нашлось очень много, но онъ выбралъ изъ нихъ только двѣнадцать человѣкъ. Все это были норвежцы—народъ здоровый, энергичный, предприимчивый; среди нихъ одинъ, Свердрупъ, считался старымъ пріятелемъ Хансена: съ нимъ Хансенъ совершилъ свое путешествіе по Гренландіи. Начались послѣдніе сборы. Свезли на «*Фрамъ*» домашнюю утварь, различныя хозяйственныя принадлежности, съѣстные припасы, теплую одежду, ружья, топоры, пилы, плотничьи, слесарные и кузнечные инструменты, а также книги и всевозможные инструменты для ученыхъ занятій и изслѣдованій. Все было готово. Насталъ день отъѣзда.

«Это было въ 1893 году, въ день Ивана Купалы—такъ начинается свой разсказъ Хансенъ.—Пасмурнымъ и мрачнымъ явился онъ и принесъ съ собою неизбежное прощаніе. Двери захлопнулись за мной, и, выйдя изъ дома, я одинъ спускался черезъ садъ къ морскому берегу, гдѣ меня ожидала маленькая шлюпка съ «*Фрама*». Я покидалъ все, что мнѣ было дорого въ этомъ мірѣ. Что ждетъ меня? Сколько лѣтъ пройдетъ прежде, чѣмъ удастся вернуться назадъ?... Чего не согласился бы отдать я въ этотъ мигъ за то, чтобы

можно было не ѣхать! Тамъ, на верху, въ окошкѣ сидѣла маленькая дочь моя и хлопала въ ладоши... Счастливое дитя! Ты еще не знаешь, что такое жизнь, какъ она удивительно сложна и измѣнчива...

«Нетерпѣливо стоитъ *«Фрамъ»* въ бухтѣ, пыхтитъ и ждетъ

Рис. 25.—Свердрупъ, капитанъ «Фрама».

сигнала, чтобъ сняться съ мѣста. Палуба его полна пришедшими сказать намъ свое послѣднее прости... Вотъ они должны ужъ сойти съ корабля... Якорь поднять... «Фрамъ» медленно приходитъ въ движеніе и описываетъ кругъ по заливу. Набережная гавани черна отъ толпы народа. Надъ головами ихъ колеблются въ воздухѣ платки, шляпы...»

Всѣ кричать «ура», всѣ желаютъ Нансену и его товарищамъ счастливаго пути, благополучнаго возвращенія. И «Фрамъ» поплылъ вдоль сѣверныхъ береговъ Норвегіи. По пути онъ останавливался въ нѣкоторыхъ бухтахъ, и всюду мѣстные жители устраивали Нансену и его спутникамъ торжественные проводы. Гремѣла музыка, гудѣли пушечные выстрѣлы, свободно лились прощальныя пѣсни... а «Фрамъ» уходилъ тѣмъ временемъ все дальше и дальше. 18-го іюля онъ покинулъ Вардэ (см. рис. 26). Здѣсь путешественники простились окончательно съ своей родиной. Это была тяжелая, грустная минута. Но... «взялся за гужъ — не говори, что не дюжъ»...

VIII.

Двѣ зимы во льдахъ.

«Фрамъ» шелъ въ открытомъ морѣ къ островамъ «Новая Земля». Вдругъ набѣжалъ густой туманъ. Онъ держался нѣсколько сутокъ; когда же туманъ разсѣялся, путешественники увидѣли громадныя льдины. Это озадачило ихъ: они не рассчитывали встрѣтиться такъ скоро со льдами. Но дѣлать было нечего; пришлось испытывать силу и крѣпость «Фрама». На палубѣ то и дѣло раздавалась команда капитана: «Держи вправо!.. Держи влѣво!.. Правь прямо!.. Опять влѣво!..» Фрамъ змѣей извивался среди льдинъ, вертясь и расчищая себѣ путь, а гдѣ ледъ былъ потверже, «Фрамъ» налеталъ на него стрѣлой, надавливалъ на льдины, разрѣзалъ ихъ носомъ и плылъ гордо дальше. Вскорѣ онъ присталъ къ берегу, недалеко отъ русскаго поселенія Хабарово. Тутъ для Нансена были заготовлены самоѣдскія собаки, которыхъ онъ намѣревался взять съ собою на тотъ случай, если ему придется

современнѣе оставить судно и отправиться дальше къ сѣ-

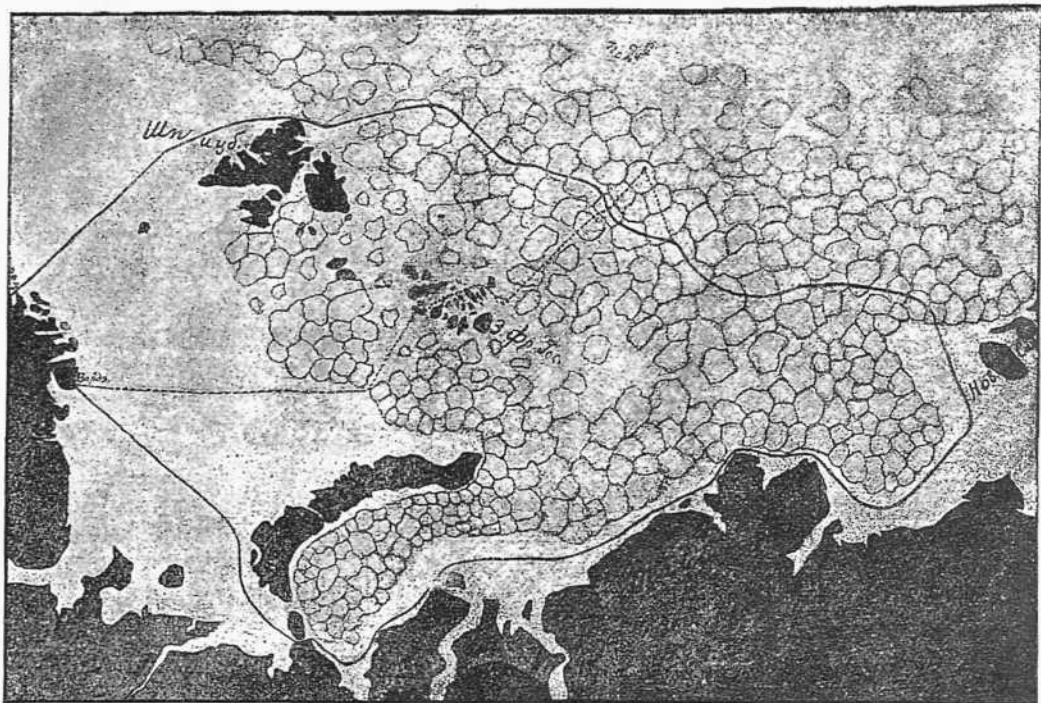

Рис. 26. Путь Фрама, начиная от гавани Вардэ. Черная линия—путь «Фрама». Линія, составленная изъ точекъ,—путь, по которому шли Нансенъ и Югансенъ. «Фрамъ» шелъ сначала вдоль сѣверныхъ береговъ Европы и Азии, а затѣмъ у острововъ «Новая Сибирь» завернулъ къ полюсу. Мѣста, обозначенныя неправильными кружка ми—это льды. Отъ земли Франца-Иосифа Нансенъ и Югансенъ поѣхали на корабль Джексона.

веру на саняхъ. Собакъ было 34 штуки. Всѣ онѣ были породисты, сильны: однѣ съ длинною, бѣлою, какъ снѣгъ, шерстью, другія — короткошерстыя, съ виду похожія на крупныхъ лисицъ. Забравши собакъ, «Фрамъ» снова пустился въ путь. Онъ почти все время держался недалеко отъ берега, такъ какъ дальше, въ открытомъ морѣ, тянулась безконечная полоса льдовъ. Прошелъ уже іюль и августъ мѣсяцъ. Въ началѣ сентября «Фрамъ» обогнулъ полуостровъ Таймыръ и двинулся къ Ново-Сибирскимъ островамъ (см. рис. 26).

Въ первые дни плаванія около этихъ острововъ море было свободно отъ льдовъ; наши путники чувствовали себя прекрасно. «Тепло... звѣзды.. можно подумать, что находишься на югѣ!» Такъ писалъ въ своемъ дневникѣ Нансенъ еще 19-го сентября; а на другой день онъ уже писалъ совсѣмъ иное: «Всѣ сновидѣнія разсѣялись! Какъ разъ въ то время, когда я утромъ часовъ въ 11 сидѣлъ у себя въ каютѣ и мечталъ, я почувствовалъ вдругъ сильный толчокъ и сейчасъ же выскочилъ на палубу. Передъ нами на далекое пространство лежалъ и свѣтился въ туманѣ сплошной ледъ. Казалось, что вся эта масса льда образовалась въ одно мгновеніе».

Опять ледъ! И уже на долгіе мѣсяцы! Дни становились все короче и короче. Надвигалась томительная зимняя ночь. Морозъ крѣпчалъ, ледъ нарасталъ, падалъ густой снѣгъ. Приходилось думать о зимовкѣ. «Фрамъ» занялъ среди льдовъ позицію поудобнѣе. Скоро онъ былъ плотно окруженъ со всѣхъ сторонъ льдами. Путешественники разобрали паровую машину, поставили на палубѣ вѣтряную мельницу, устроили столярную мастерскую и кузницу, убрали по зимнему свои каюты (комнаты въ пароходѣ) и зажили трудовою жизнью въ ожиданіи болѣе счастливыхъ дней, когда имъ вновь придется плыть по откры-

ТОМУ, СВОБОДНОМУ ОГО ЛЬДОВЪ, МОРЕ. РАБОТЫ У НИХЪ

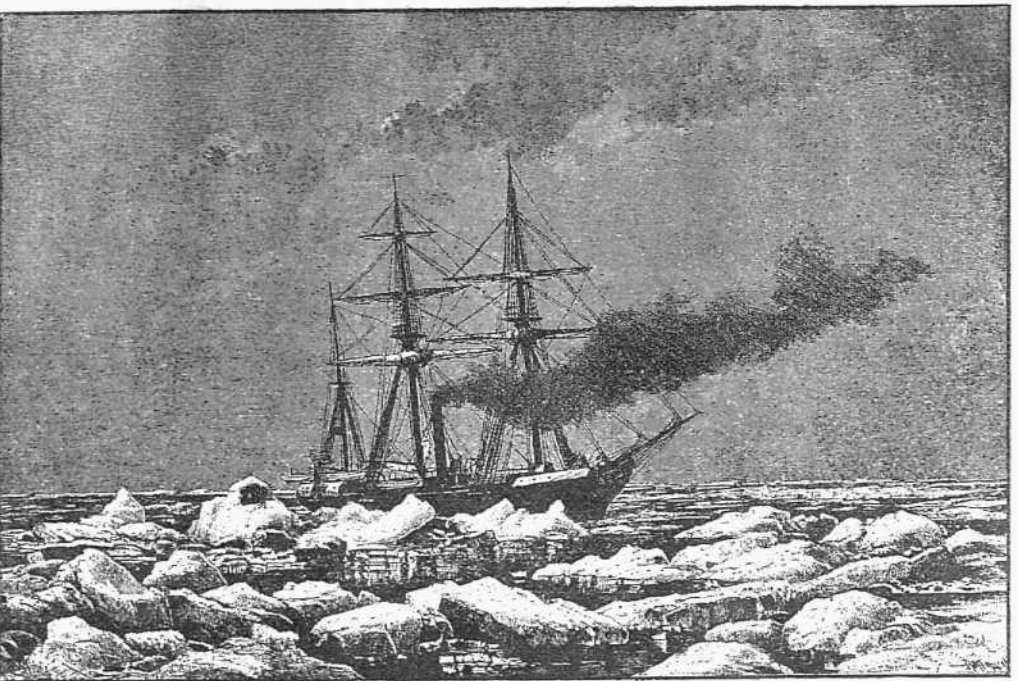

Рис. 27. — «Фрамъ» среди льдовъ.

БЫЛО ДОСТАТОЧНО. ОДИНЪ ОРУДОВАЛЪ НА КУЗНИЦЬ, ДРУ-

СРЕДИ СНІГ. И ВІСНІ. ЛЬДА.

гой—въ столярной, третій слѣдилъ за мельницей, четвертый возился на кухнѣ, приготовляя для всей компаніи завтраки, обѣды и ужины. Много времени пришлось тратить и на различные научныя работы. Самъ Нансенъ, капитанъ Свердрупъ, докторъ Блессинъ, Гансенъ, да и всѣ остальные ихъ товарищи проводили перѣдко цѣлые часы за учеными изслѣдованіями. Они измѣряли толщину льда и глубину моря, ловили различныхъ животныхъ и присматривались

Рис.—28. Зимовка во льдахъ. Одинъ изъ товарищей Нансена опредѣляетъ, насколько холодна вода подо льдомъ, на различной глубины.

къ ихъ образу жизни, наблюдали небесныя свѣтила, собирали рѣдкія породы камней и растений, слѣдили за тѣмъ, въ какую сторону течетъ вода подо льдомъ, куда и откуда дуютъ вѣтры, когда они бываютъ сильнѣе всего, какъ слагаются туманы и облака, какъ образуется и нарастаетъ ледъ, какой величины бываютъ ледяныя горы и т. п. Такъ шли

дни за днями, тихо, мирно, однообразно. А «Фрамъ», отданный на волю льдинъ и вѣтровъ, то шелъ медленно на сѣверъ, то возвращался нѣсколько назадъ. Первое время Хансенъ и всѣ его товарищи никакъ не могли рѣшить, вѣренъ ли былъ ихъ расчетъ, или нѣтъ. Но вскорѣ для всѣхъ стало яснымъ, что «Фрамъ» и въ самомъ дѣлѣ идетъ вмѣстѣ со льдомъ на сѣверъ; правда, движется онъ ужасно тихо, неправильно, поддаваясь то вправо, то влево, то назадъ, но все-же идетъ впередъ. Недаромъ же его называли «*Фрамомъ*»! И какое это счастье идти къ намѣченной цѣли безъ особенныхъ трудовъ, не испытывая ни лишений ни страданій! А какъ тяжелъ былъ путь другихъ, такихъ же смѣльчаковъ, стремившихся достигнуть полюса. Они страдали отъ морозовъ, болѣли цынгой, терпѣли голодъ, не знали ни отдыха, ни веселья. Когда Хансенъ вспоминалъ все это, ему становилось даже стыдно. И въ самомъ дѣлѣ. Онъ и его спутники пользовались на «Фрамѣ» всевозможными удобствами. Пищи у нихъ было вдоволь; помѣщеніе уютное, теплое. Всѣ они были здоровы и веселы. Наработавшись вволю, они собирались въ большую общую комнату, читали книги, разсматривали картины, вели бесѣды, рассказывали другъ другу веселые анекдоты, слушали игру на органѣ, пѣли, играли въ карты. Даже не вѣрилось, что такая жизнь возможна на дальнемъ сѣверѣ, въ царствѣ льдовъ, среди сплошныхъ снѣговъ при сильныхъ, трескучихъ морозахъ. Время отъ времени наши путешественники совершали прогулки по льду, охотились на лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей, любовались красотой природы,—небомъ, звѣздами, сѣвернымъ сіяніемъ. «Словно необъятный куполъ, простирается небо, синее наверху, зеленоватое ниже и еще ниже лилово-фіолетовое. Надъ ледяной равниной несутся темныя тѣни. На синемъ сводѣ, какъ всегда, мирно искрятся звѣзды, какъ друзья, которые никогда не измѣняютъ. На

южной сторонѣ виднѣется большой красно-золотистый мѣсяцъ, окруженный золотымъ облакомъ, и легкія облачка, окрашенные въ золотистый цвѣтъ, плывутъ по синей тверди»...

Одно лишь беспокоитъ путниковъ. Иной разъ ледъ съ силой напираетъ на «Фрамъ», и кажется тогда, что тихая обитель путниковъ не выдержитъ этого грознаго напора, затрепщитъ, сломается и уйдетъ на вѣки въ морскую бездну. Но.. нѣтъ! «Фрамъ» крѣпокъ: онъ устоитъ, онъ выйдетъ побѣдителемъ въ борьбѣ со льдами! Такъ думаетъ Нансенъ; такъ думаютъ и всѣ товарищи его. А все-таки порою жутко. «Когда начинается сильный натискъ льда, говоритъ Нансенъ, то кажется, что на поверхности земли нѣтъ ничего, что могло-бы остаться на своемъ мѣстѣ, могло-бы не затрепетать и не дрогнуть. Сначала слышится шумъ, подобный грохоту, точно вдали въ огромной пустынѣ происходитъ землетрясеніе, грохотъ становится все ближе и ближе, и безмолвный ледяной міръ оглашается громомъ: великаны природы проснулись къ битвѣ. Ледъ трескается по всѣмъ направленіямъ, начинаетъ подниматься вверхъ... еще минута, и зритель стоитъ среди самой битвы. Все реветъ и трещитъ кругомъ, и чувствуешь, что ледъ дрожитъ и гремитъ подъ ногами. Воздухъ наполненъ звуками. Въ полумракѣ можно различить, какъ дробится ледъ и вздымается въ высокія груды, подступающія все ближе и ближе. Можно видѣть, какъ льдины въ 5 или 6 аршинъ толщиною ломаются и поднимаются одна за другою, точно мячки; движеніе приближается и приближается, такъ что зритель долженъ бѣжать, иначе его настигнетъ гибель... Гремитъ и грохочетъ со всѣхъ сторонъ, точно бушуетъ громаднѣйшій водопадъ, трескъ и грохотъ раздаются, словно залпы орудій. Но вотъ кругомъ все начинаетъ затихать, грохотъ ослабѣваетъ и, мало-по-малу, теряется гдѣ-то въ отдаленіи.»

Первое время, пока все это было ново для нашихъ,

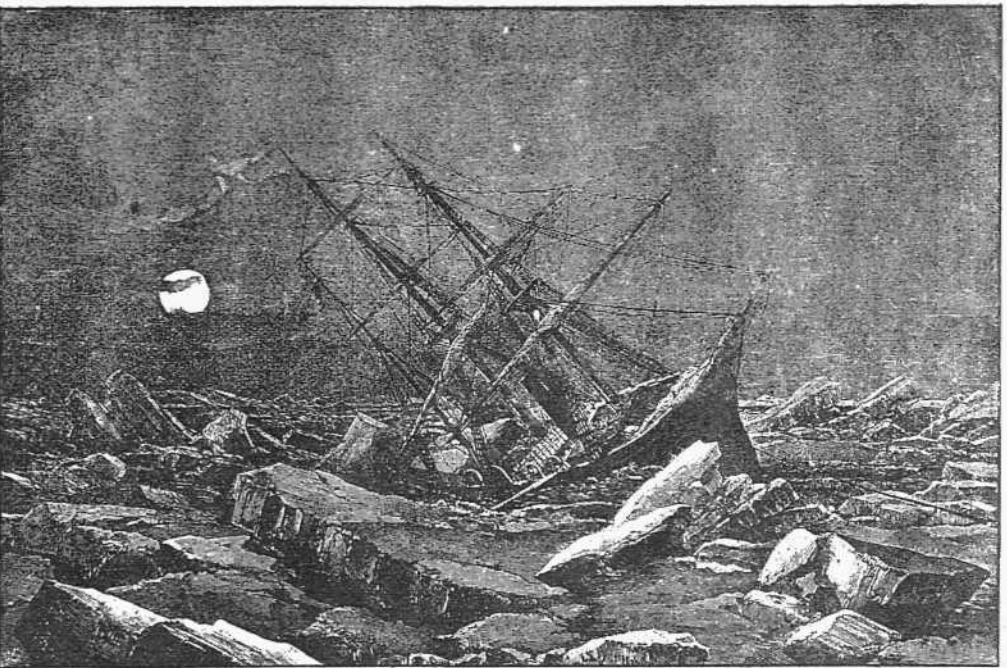

Рис.—29. Лдины набѣгаютъ на «Фрамъ».

путешественниковъ, они серьезно побивались за «Фрамъ»;

но потомъ они уже не страшились льдовъ. Посмотрите, какъ спокойно описываетъ Нансенъ борьбу «Фрама» съ льдинами. «Ледъ неспокоенъ, пишетъ онъ, напоръ его повторился среди дня. Онъ начинается тихимъ трескомъ и какимъ-то стономъ у стѣнокъ корабля, затѣмъ звуки растутъ; то слышится какой-то высокій поющий и стонущій тонъ, то начинается какой-то рокоть и скрипъ, затѣмъ что-то трещить, и корабль начинаетъ приподниматься. Шумъ растетъ все болѣе и болѣе, корабль дрожитъ, трясется, подскакиваетъ или же медленно поднимается кверху. О, какъ пріятно сидѣть и слушать этотъ шумъ и въ то же время сознавать, что нашъ «Фрамъ» силенъ, и что многіе другіе корабли были-бы давнымъ-давно раздавлены. Ледъ давить на стѣнки корабля, льдины ломаются, громоздятся, дробятся подъ тяжелымъ, несокрушимымъ натискомъ, а мы лежимъ, какъ въ постелѣ. Вотъ шумъ начинаетъ затихать, корабль снова опускается въ свое прежнее ложе, и попрежнему наступаетъ тишина»...

Прошла зима. Настало лѣто. «Фрамъ» сбросилъ съ себя ледяной панцырь. Солнце ярко свѣтило на небѣ. Ледъ мѣстами подтаялъ; но открытаго моря все еще не было видно. Все шло попрежнему. Никакихъ особенныхъ приключеній не произошло. Время текло однообразно, скучно. «Фрамъ» медленно подвигался вмѣстѣ со льдами дальше. Былъ ужъ 1894 годъ. Нансенъ и его друзья томились отъ бездѣятельности. Имъ хотѣлось борьбы, хотѣлось бы скорѣе добраться до намѣченной цѣли. Но льды—проклятые, безжалостные льды—не давали имъ ходу. Пришла и вторая осень, а за ней и вторая зима. Но онѣ не принесли путникамъ ничего новаго. Тѣ-же заботы, те-же занятія, тѣ-же картины природы. О, какъ это томительно, какъ скучно! думалъ не разъ Нансенъ. Хоть бы несчастье какое, что-ли? «Вести жизнь, наполненную борьбой, легко — говорилъ

онъ; но здѣсь нѣтъ ни бури, ни борьбы. Я стремлюсь къ борьбѣ, стремлюсь развернуть свои силы и завоевать себѣ дорогу впередъ. Вотъ это жизнь! Но что за привлекательность въ силѣ, если ее некуда примѣнить? Мы двигаемся то впередъ, то назадъ, а теперь вотъ уже два мѣсяца стоимъ на одномъ мѣстѣ». Приуныли и товарищи Нансена. Все, что было интереснаго, они ужъ пересказали другъ

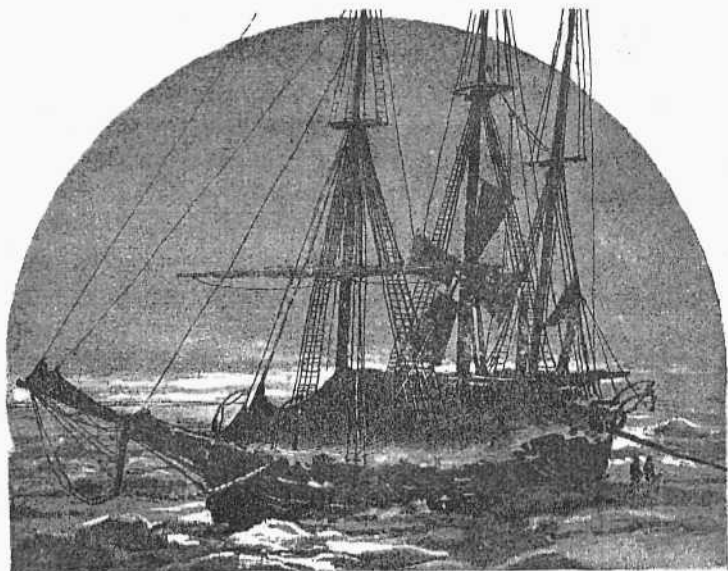

Рис. 30.—«Фрамъ» сбросилъ съ себя ледяной панцырь.

другу; все, о чемъ хотѣлось говорить, ужъ было переговорено. Каждый молча, угрюмо дѣлаетъ свое дѣло. Не слышно ужъ былыхъ шутокъ, веселыхъ бесѣдъ, задорныхъ споровъ. У всякаго на умѣ одна лишь дума: долго ли еще придется сидѣть во льдахъ и ждать, пока «Фраму» угодно будетъ пристать къ полюсу? Да и надежда на плавающий ледъ что то плохая! Съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе

яснымъ, что «Фрамъ» идетъ не прямо къ полюсу, а заворачиваетъ отъ него влѣво, на западъ. Но неужели Нансенъ ошибся? Да, онъ оказался не совсѣмъ правъ. Въ Ледовитомъ океанѣ дѣйствительно есть теченіе, идущее отъ Ново-Сибирскихъ острововъ на сѣверъ. Однако оно, очевидно, проходитъ не черезъ полюсъ, и даже не близко отъ него, а много южнѣе полюса. Вотъ почему «Фрамъ» все заворачиваетъ на лѣво. Правда, онъ зашелъ въ царство льдовъ такъ

Рис.—31. Лѣто. Нансенъ взобрался на ледяную глыбу и осматриваетъ окрестность.

далеко, куда еще ни одинъ корабль не заходилъ, но до полюса ему, какъ видно, не добраться. Какъ же быть? думаетъ Нансенъ. Отрѣшиться отъ всѣхъ завѣтныхъ думъ? Идти назадъ, не сдѣлавши того, что хотѣлъ сдѣлать? Нѣтъ, этому не бывать! И въ головѣ Нансена зарождается новая мысль.

Однажды (28 августа 1894 г.) Петерсенъ — онъ исполнялъ на «Фрамъ» въ это время обязанности повара — такъ

однажды Петерсонъ приходитъ къ Нансену и говорить,

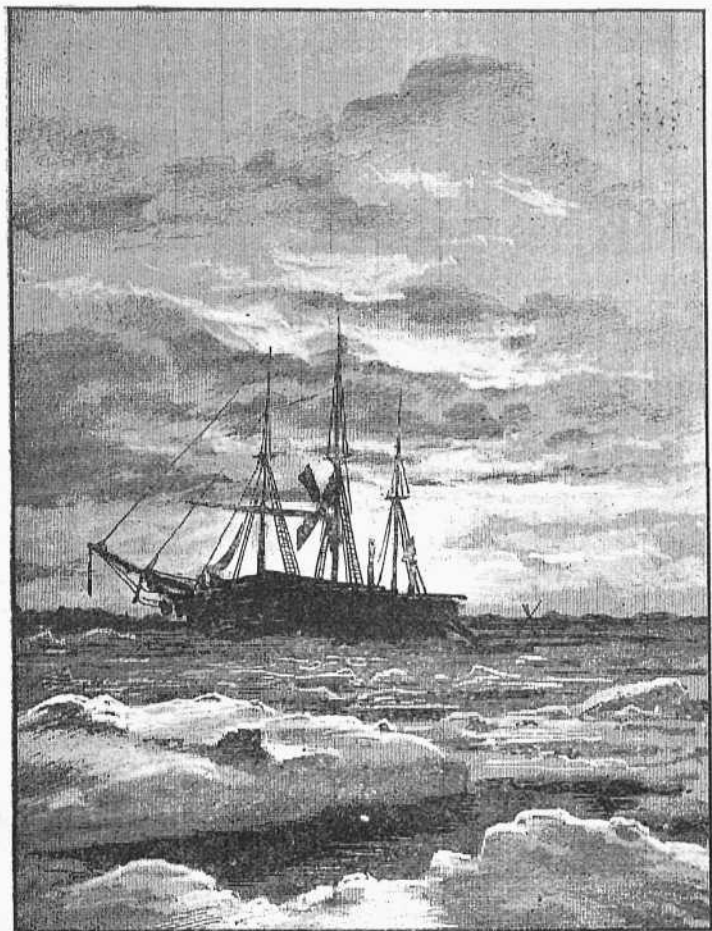

Рис. 32.—Лѣто.

что онъ видѣлъ странный сонъ. Какой же? — спрашиваетъ Нансенъ.

— А вотъ какъ было дѣло,—отвѣчалъ Петерсенъ.— Я вижу во снѣ, что Нансенъ съ четырьмя людьми собирается отправиться пѣшкомъ по льду къ полюсу. Тогда я сталъ проситься, чтобы и меня взяли. Но вы сказали, что вамъ для этого путешествія не нужно никакого повара; мнѣ это показалось весьма страннымъ: ѣсть то вы и въ этомъ путешествіи захотите. Мнѣ казалось, что вы распорядились, чтобы корабль встрѣтилъ васъ въ другомъ мѣстѣ; во всякомъ случаѣ, вы не хотѣли возвращаться сюда и думали пойти въ какую-то другую сторону. Удивительно, чего только не увидишь во снѣ!

— Можетъ быть, вашъ сонъ, Петерсенъ, вовсе не такая бессмыслица; весьма возможно, что мы отправимся въ такое путешествіе; но, если это случится, мы навѣрное не вернемся къ «Фраму».

Такъ отвѣтилъ Нансенъ, и онъ дѣйствительно надумалъ оставить «Фрамъ» и идти съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей къ полюсу; прошло однако почти семь мѣсяцевъ послѣ этого разговора, прежде чѣмъ Нансенъ исполнилъ свое намѣреніе. Онъ много разъ и по долгу совѣтовался со своимъ другомъ Свердрупомъ, серьезно обдумывалъ свой новый планъ и постепенно готовился къ опасному путешествію.

Разсчеты Нансена были таковы. «Фрамъ» находился за 700 верстъ отъ полюса. Если дѣлать въ день около 15 верстъ, то весь этотъ путь можно пройти въ 50 дней. Столько же времени потребуется на то, чтобы пройти отъ полюса назадъ къ острову Шпицбергену или къ Землѣ Франца Иосифа (см. рис. 26); а съ этихъ острововъ уже не трудно будетъ добраться и домой на какомъ-нибудь торговомъ или китоловномъ суднѣ. Нужно взять съ собою легкія сани, такія же лодки, небольшой грузъ—теплую одежду, съѣстные припасы дней на сто, ружья и необхо-

димые для ученыхъ изслѣдованій инструменты. Насчетъ съѣстныхъ припасовъ для обратнаго пути особенно заботиться не слѣдуетъ: на островахъ лѣтомъ водится много различныхъ птицъ, лисицъ, медвѣдей—ими и можно будетъ

Рис. — 33. Югансенъ.

пробавляться. Оправдались ли эти расчеты, или нѣтъ—мы это еще увидимъ. Но Нансену и его спутникамъ они показались очень правильными; и потому рѣшено было, что съ наступленіемъ весны Нансенъ оставить «Фрамъ» и пойдетъ къ полюсу. Въ спутники онъ себѣ выбралъ

Югансена, самого молодого из своих товарищей. Югансену было всего двадцать восемь лѣтъ; онъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ, отвагой и добрымъ уживчивымъ нравомъ. Наступилъ мартъ мѣсяць 1895 года. Нансенъ и Югансенъ стали собираться въ дорогу. Взяли сани, запрягли въ нихъ собакъ (28 штукъ); на сани сложили каяки (лодки) и весь грузъ, вѣсомъ въ 40 пудовъ. Путешественники нарядились въ легкую, но теплую шерстяную одежду. Все было готово. Пора было и двигаться въ путь...

IX.

Пѣшкомъ къ сѣверному полюсу.

14 марта утромъ Нансенъ и Югансенъ простились съ товарищами. Тяжела была разлука. Кто знаетъ, чтѣ ожидаетъ смѣлыхъ путешественниковъ впереди? Была минута, когда у Нансена мелькнула мысль, не вернуться ли назадъ? Онъ хорошо зналъ, что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ имъ придется снова увидѣться съ товарищами. Да свидятся ли они когда-нибудь—Богъ вѣдаетъ!

Передъ путниками лежала обширная ледяная равнина. Ледъ мѣстами тянулся на подобіе неправильныхъ грядъ. Случалось, что сани опрокидывались и приходилось ихъ поднимать съ большими усилями. Прошло нѣсколько дней. Путь становился все труднѣе и труднѣе. Къ вечеру путники такъ сильно утомлялись, что еле волочили ноги. Сонъ одолевалъ ихъ. Нерѣдко на пути Нансенъ отъ усталости засыпалъ. Голова его склонялась на грудь, но, спотыкнувшись, онъ вдругъ просыпался и шелъ кое-какъ дальше. Самымъ пріятнымъ временемъ для путешественниковъ были часы отдыха. Сани останавливались гдѣ-нибудь за ледянымъ хол-

момъ. Распрягали собакъ. Йогансенъ ихъ кормилъ, а Хансонъ тѣмъ временемъ устлавливалъ палатку и принимался за приготовленіе ужина. Пока варился ужинъ, путники забирались въ свои спальные мѣшки, сдѣланные изъ оленьихъ шкуръ, стараясь сколько-нибудь согрѣться. «Когда мы вечеромъ, — говоритъ Хансенъ, — лежали въ своихъ спальныхъ мѣшкахъ, то платье наше постепенно начинало таять, и на это уходило довольно большое количество нашей теплоты. Мы прижимались другъ къ другу, какъ можно ближе, и лежали такимъ образомъ часъ — полтора, стуча зубами, пока у насъ наконецъ появлялось ощущеніе теплоты въ тѣлѣ. Наконецъ наша одежда дѣлалась мокрой и гибкой; но утромъ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мы вытѣзали изъ мѣшка, она снова замерзала и твердѣла.

Рис.—34, На сѣверъ въ мятель.

Такъ мерзли мы, дрожа отъ холода въ своихъ мѣшкахъ, дожидаясь, когда будетъ готовъ ужинъ. Такъ какъ я былъ поваръ, то и долженъ былъ бодрствовать и наблюдать за варкой кушанья. Наконецъ ужинъ былъ готовъ; онъ всегда казался очень вкуснымъ; это были самыя пріятныя минуты нашего существованія, о которыхъ мы мечтали цѣлый день.

Но иногда мы бывали такъ утомлены, что у насъ глаза закрывались сами собой, и мы засыпали, поднося ложку ко рту. Руки безжизненно опускались, и кушанье, находящееся въ ложкѣ, проливалось на мѣшокъ. Послѣ ѣды мы старались какъ можно глубже залѣзть въ спальный мѣшокъ, ближе придвинуться другъ къ другу, и, плотнѣе закрывъ клапанъ надъ головой, предаться наконецъ сну праведныхъ. Но даже во снѣ мы продолжали свое странствованіе на сѣверѣ, мучились съ санями, понукали собакъ. Часто я слышалъ, какъ Югансенъ во снѣ звалъ собакъ и кричалъ: «Да будешь-ли ты двигаться впередъ, дьяволъ? Тпр... тпрр... вы, чертовскія собаки! Черти васъ поберутъ и вмѣстѣ съ санями!..» — пока, наконецъ, я не засыпалъ снова».

Дни шли за днями, принося нашимъ путникамъ все новыя и новыя заботы и мученія. Кое гдѣ путь былъ ровный. Тогда и сани шли свободно, да и путники не такъ утомлялись отъ ходьбы на лыжахъ (рис. 35). Но большею частью ледъ былъ неровный, бугристый. Порою встрѣчались большіе ледяные холмы, глубокія трещины, канавы, полыньи. Собаки останавливались, жалобно выли и не въ силахъ были тащить свой грузъ. Тогда приходилось ихъ распрягать, самимъ тащить и сани, и каяки, переносить на рукахъ грузъ. При этомъ и Югансенъ и Нансенъ то проваливались въ трещины, то падали въ канаву. И все это при сильномъ морозѣ. Много разъ жизнь ихъ висѣла на волоскѣ. Но они не теряли бодрости духа и геройски переносили всѣ страданія.

Былъ апрѣль мѣсяцъ. Прошло ужъ цѣлыхъ двадцать пять дней съ той поры, какъ путешественники покинули «Фрамъ»; а между тѣмъ на много ли подвинулись они впередъ? Ледъ все становился хуже. Одна гряда тянулась за другой. Впереди — куда ни взглянешь — все та же безграничная ледяная пустыня, все тѣ же холодные хребты, ка-

навы, трещины, полыньи. Скоро-ли конецъ мученьямъ? Земли нигдѣ не видно. Запасы ужъ истощились. «Нѣтъ никакого смысла пробираться дальше», думаетъ Нансень. «Мы тратимъ драгоцѣнное время и не достигаемъ ничего!..»

Рѣшили идти обратно. Обидно, до горечи обидно было имъ поварачивать назадъ, не сдѣлавши и половины намѣченнаго пути; до полюса оставалось 400 слишкомъ верстъ;

Рис. 35.—На лыжахъ.

но поступить иначе было невозможно. И вотъ 8-го апрѣля они пошли назадъ.

Первые дни все шло довольно благополучно. Становилось теплѣе. Вскорѣ кормъ для собакъ весь вышелъ. Пришлось время отъ времени убивать одну изъ нихъ, чтобы кормить ея мясомъ остальныхъ. Это было ужасно непріятно. Бѣдныя животныя! Сколько мукъ и испытаній

перенесли они во время странствованій, какъ усердно они работали на своихъ хозяевъ! А теперь въ награду за труды ихъ ожидается смерть. Тяжело было Нансену обречь на смерть своихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ, но поступить иначе онъ не могъ: надо же было кормить чѣмъ нибудь остальныхъ собакъ? Къ началу мая ихъ осталось всего 16 штукъ. Это значительно затрудняло дальнѣйшее путешествіе. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, наши путники

Рис. 36.—По неровному пути.

сбились съ пути. Они шли на югъ, а льдины незамѣтно уносили ихъ куда-то въ сторону, на западъ. Съ наступленіемъ лѣта ходьба на лыжахъ стала почти невозможной. На льду то и дѣло попадались то полыньи, то широкія канавы, которыя приходилось либо переплывать на каякахъ, либо огибать въ обходъ, тратя на это и много силъ и много лишняго времени. Словомъ, это было не путешествіе, а сущая мука. Промокшіе до ниточки, продрогшіе, изне-

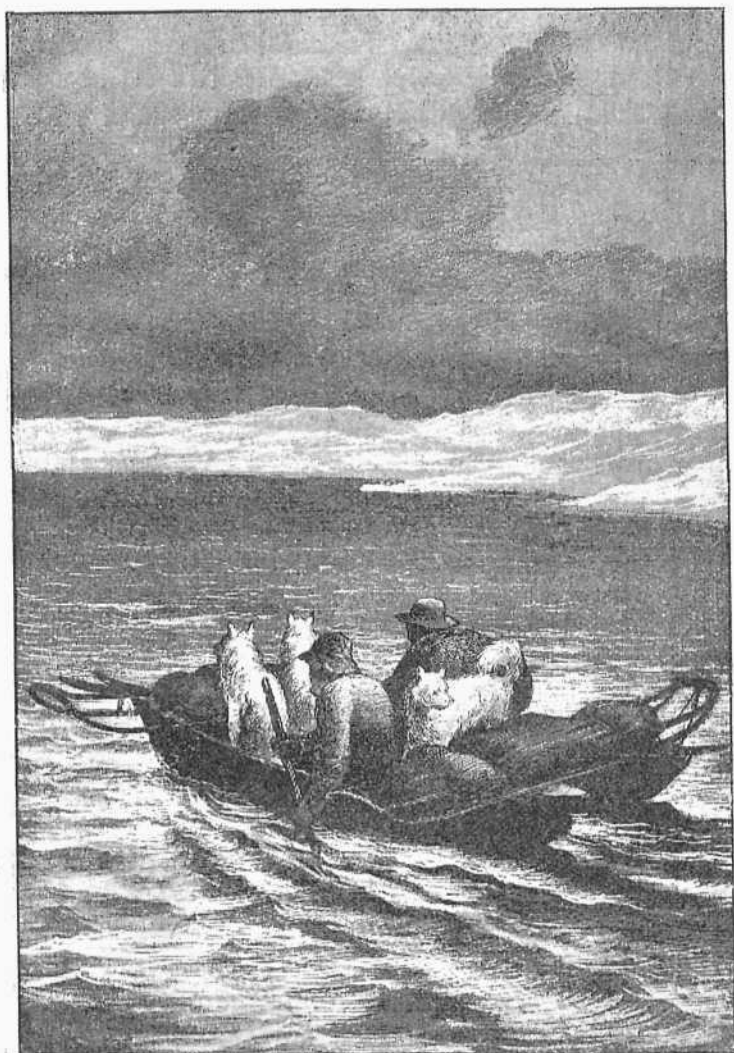

Рис. 37.—Переправа черезъ полынью.

Среди сибг. и вѣчн. льда.

моженные приходили они къ мѣсту стоянки и, кое-какъ утоливши чувство голода, разбивали палатку, залѣзали въ спальные мѣшки и засыпали. Но что это было за сонъ! Безпокойный, полный тревожныхъ сновидѣній.

Рис. 38.—Трудный путь.

Время не терпитъ. Хорошо-ли. Хорошо-ли было нашимъ горемычнымъ путникамъ, а оно все шло впередъ да впередъ. Насталъ день Троицы! «Троица! восклицаетъ Напсенъ. Какъ много привлекательнаго въ этомъ словѣ. Печально думать, что мы осуждены сидѣть здѣсь среди льда и снѣга, тогда какъ дома теперь такъ хорошо. Развѣ намъ легче отъ того, что и дома тоскуютъ? Сегодня моя дочурка отпра-вится къ своей бабушкѣ на обѣдъ;

быть можетъ, какъ разъ въ эту минуту на нее надѣваютъ новое платье. Но вѣдь наступить же время, когда и я, наконецъ, буду съ ними, но когда? Надо приниматься за работу, тогда все будетъ въ порядкѣ» ..

И они дѣйствительно принялись за работу. Надо было починить каяки, на которыхъ Нансенъ и Югансенъ собирались плыть, когда добредутъ наконецъ до открытаго моря. Однако имъ пришлось довольно долго ждать, прежде чѣмъ пришлось пустить въ дѣло каяки. Только 7-го Августа предъ ними открылось море. Ура! радостно крикнули измученные странники. Вдали видѣлась града горъ,

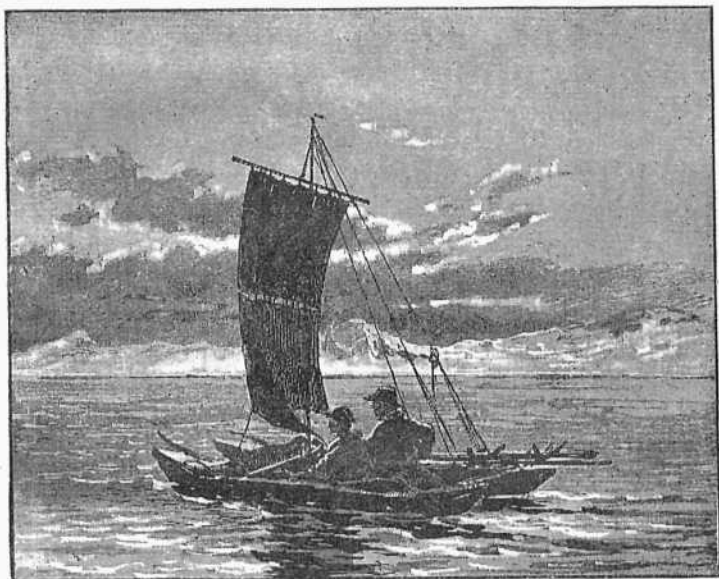

Рис. 39.—На каякахъ.

съ которыхъ спускались въ море ледники. Это была земля, давно желанная земля. Но что сулитъ она заброшеннымъ въ невѣдомую страну путешественникамъ? Счастье? Скорое возвращеніе на родину? Или, быть можетъ, новыя приключенія и испытанія?..

Каяки спущены на воду, послѣднія собаки убиты, легкій багажъ уложенъ въ лодки, и Нансенъ съ Югансеномъ

помчались по волнамъ къ неизвѣстному имъ острову. Вскорѣ льдина преградила имъ путь. Нужно было сложить каяки на сани и такимъ образомъ идти дальше. Потомъ опять пришлось плыть на каякахъ. И такъ промаялись они недѣли двѣ слишкомъ, направляясь къ югу то пѣшкомъ, то въ каякахъ.

Былъ конецъ августа. Нансенъ и Югансенъ находились на сушѣ. Кругомъ растиались сѣбжные поля и ледяныя горы. Надвигалась осень. Идти дальше становилось опаснымъ. А вдругъ настигнетъ въ дорогѣ зимняя ночь? Что дѣлать тогда? Лучше остановиться, перезимовать здѣсь, а дальше—посмотримъ что пошлетъ судьба. Такъ порѣшили Нансенъ съ Югансеномъ и стали готовиться къ зимовкѣ на невѣдомой землѣ. Провизія, взятая съ «Фрама», давно ужъ пришла къ концу. Путешественники послѣднее время пробавлялись охотой на моржей, медвѣдей и различныхъ птицъ. Теперь надо было заготовить запасъ пищи на зиму и выстроить какое-нибудь жилище, болѣе уютное и удобное, чѣмъ палатка.

«Мы, рассказываетъ Нансенъ, принялись за постройку хижинъ; выбрали для нея хорошее мѣстечко и ежедневно отправлялись туда, какъ настоящіе работники, неся въ одной рукѣ ведро съ водой, а въ другой ружье. Мы выламывали камни, какъ могли, перетаскивали ихъ на одно мѣсто, подымали почву и воздвигали стѣны. Орудій у насъ было мало, и больше всего приходилось пользоваться собственными руками. Санные полозья замѣняли намъ ломъ, которымъ мы выворачивали промерзшіе камни. Изъ лопатки моржа, привязанной къ сломанной перекладинѣ саней, мы сдѣлали себѣ заступъ, а мотыгой намъ служилъ моржевый клыкъ. Конечно, это были довольно скверныя орудія, но при терпѣніи можно было съ ними работать, и мало по малу воздвигались стѣны изъ камня и мха... Теперь нужно

было соорудить крышу, что было не легко. Единственнымъ матеріаломъ для этого у насъ были моржевыя шкуры и найденный кусокъ дерева. Этотъ кусокъ, имѣвшій въ толщину меньше полъ-аршина, послѣ цѣлаго дня работы, былъ, наконецъ, разрубленъ Иогансеномъ пополамъ. Съ неменьшимъ трудомъ втащили мы его на верхъ и положили поперекъ. Затѣмъ мы укрѣпили моржевыя шкуры, наваливъ на нихъ камни по краямъ стѣнъ... Хижина вышла, конечно,

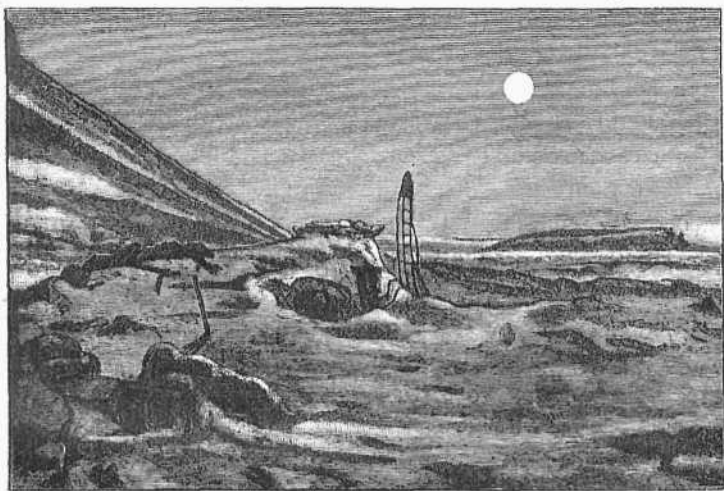

Рис. 40.—Зимняя стоянка на невѣдомой землѣ.

не велика. Лежа поперекъ ея, мы упирались головою и ногами въ стѣны. Но все-таки въ ней можно было двигаться, и даже я могъ стать во весь ростъ подъ крышей. Это было особенно привлекательно. Мы рѣшили устроить у задней стѣны хижины такую широкую скамью изъ камней, чтобы можно было спать вдвоемъ. Шерстяныя одѣяла были опять сшиты вмѣстѣ, и мы подостлали подъ нихъ медвѣжьи шкуры. Съ этого времени мы съ Иогансеномъ ужъ не разставались на ночь. Въ одномъ углу хижины мы устроили

маленькій кухонный очагъ и, продѣлавъ въ моржевой шкурѣ, которая служила намъ крышей, дыру, прикрѣпили къ ней дымовой колпакъ изъ медвѣжьего мѣха. Хижина наша подчасъ такъ наполнялась дымомъ, что въ ней едва можно было дышать»...

Къ 28 сентября зимній дворецъ былъ готовъ, и Нансенъ съ Югансеномъ перебрались въ него на житье. 8 мѣсяцевъ прожили они въ хижинѣ. Время шло ужасно однообразно и скучно. Какого-нибудь серьезнаго дѣла у нихъ не было. Приходилось выдумывать его, чтобъ какъ нибудь убить время: Нансенъ часто бродилъ по окрестностямъ то въ одиночку, то вмѣстѣ съ Югансеномъ, катался на лыжахъ, охотился, выслѣживалъ лисицъ, таскавшихъ изъ хижины съѣстные припасы, просматривалъ свои тетрадки, въ которыхъ онъ описывалъ путешествіе и т. п. Иногда они съ Югансеномъ бесѣдовали о «Фрамѣ», о товарищахъ, о родинѣ или же молча занимались починкой одежды и обуви. Когда же все это надоѣло, они старались спать,—спать какъ можно больше, чтобы отдохнуть вволю, набраться свѣжихъ силъ, окрѣпить душой и тѣломъ для дальнѣйшаго путешествія.

Одинокіе, заброшенные, вдали отъ милой родины и дорогихъ друзей, они частенько унывали, но все же не падали духомъ, не теряли надежды вернуться когда-нибудь домой. Терпѣнія, побольше терпѣнія, славные странники! И на вашей улицѣ будетъ праздникъ!...

Х.

Д о м о й!

Во вторникъ, 19-го мая 1896 года, Нансенъ и Югансенъ были готовы къ путешествію. Въ семь часовъ утра,

нагрузивши сани, они двинулись на югъ. Радостное чувство волновало ихъ. Наконецъ то, думали они, мы опять въ дорогѣ и теперь ужъ дѣйствительно возвращаемся домой. Идти было трудновато: за долгую зиму они нѣсколько поотвыкли отъ продолжительной ходьбы, да и ледъ становился предательскимъ. То и дѣло встрѣчались трещины, засыпанныя снѣгомъ, въ которыя ничего не стоило провалиться. Однажды даже Нансенъ чуть было не погибъ, еслибъ къ нему не подоспѣлъ во-время на помощь Югансенъ. Ледъ вдругъ подъ нимъ провалился, и онъ упалъ въ широкую трещину, скрытую подъ снѣгомъ. Какъ ни старался онъ выкарабкаться, но это ему не удавалось: съ одной стороны мѣшали лыжи, плотно привязанныя къ ногамъ его, съ другой стороны ему не позволяли повернуться сани, къ которымъ онъ былъ привязанъ при помощи сбруи. Нансенъ крикнулъ разъ-другой, зовя Югансена на помощь; но тотъ былъ за снѣжнымъ бугромъ и не слышалъ его криковъ. Тогда Нансенъ, увидя, что онъ все глубже и глубже уходитъ въ воду, закричалъ громче. Тутъ подбѣжалъ Югансенъ и съ большими усиліями вытащилъ своего пріятеля изъ трещины.

Въ другой разъ приключилось съ ними несчастье по-серьезнѣе.

Дѣло было 12-го іюня. Нансенъ и Югансенъ плыли въ каякахъ подъ парусомъ. Приставши къ какому-то острову, они захотѣли отдохнуть да кстати и осмотрѣть самый островъ. Привязавши каяки къ льдинѣ, они взобрлись на ближайшій холмъ, чтобы оттуда лучше разглядѣть всю мѣстность. Вдругъ Югансенъ посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ были каяки, и крикнулъ: «Стой! каяки унесло!» Нансенъ такъ и обомлѣлъ. Одна минута—и онъ сбросилъ съ себя верхнюю одежду, прыгнувъ въ холодную, какъ ледъ, воду и поплылъ спасать каяки. Вѣтеръ дулъ съ берега.

Легкіе каяки уходили все дальше и дальше. Плыть въ одеждѣ было ужасно трудно. Чортъ знаетъ, что такое! думалъ Нансенъ. Вѣдь въ каякахъ весь нашъ багажъ. Въ нихъ всё наше спасенье. А вдругъ я не догону ихъ? Что мы станемъ тогда дѣлать? Онъ выбивался изъ силъ, плывя то на животѣ, то на спинѣ. Руки и ноги его коченѣли отъ холода. Несчастный Югансенъ, какъ сумасшедшій, бѣгалъ по льдинѣ взадъ и впередъ, не зная, какъ и чѣмъ пособить горю. Нансенъ напрягъ свои силы, сдѣлалъ нѣсколько большихъ взмаховъ и уцѣпился одною рукою за конецъ лыжи, положенной поперекъ каяковъ. «Ну, слава Богу! промолвилъ онъ про себя. Мы спасены!» Большихъ трудовъ стоило ему взобраться на каякъ, такъ какъ руки и ноги его отъ холода почти не дѣйствовали. Но всё же онъ кое-какъ добрался съ каяками до края льда. Тутъ подскочилъ на помощь Югансенъ, и они вдвоемъ вскорѣ добрались до прежняго мѣста.

На слѣдующій день горемычные путешественники вновь поплыли въ каякахъ. «Мы плыли хорошо, рассказываетъ Нансенъ, и на утро слѣдующаго дня повстрѣчали большія стада моржей, лежавшихъ на льду. Такъ какъ наши запасы мяса изсякли, то мы рѣшили воспользоваться случаемъ. Я застрѣлилъ сперва одного, потомъ другого изъ дѣтенышей, полагая, что съ ними легче будетъ справиться. Взрослыя животныя приподнялись при звукѣ выстрѣла, и потомъ все стадо бросилось въ воду, но матери не хотѣли покидать своихъ мертвыхъ дѣтенышей, и одна изъ нихъ обнюхала его и стала толкать въ воду, очевидно не понимая, въ чемъ дѣло; она видѣла только, что изъ головы у него льется кровь. Но потомъ она стала стонать и кричать, словно человѣкъ. Когда я хотѣлъ задержать ее, то она схватила своего мертваго дѣтеныша за ногу и исчезла съ нимъ въ глубинѣ.

«Другая мать сдѣлала то же самое; я не могъ сообразить, какъ это случилось, и стоялъ на краю льда, смотря вслѣдъ моржамъ. Я думалъ, что мертвые дѣтеныши всплывутъ на поверхность воды, но ничего не было видно—они исчезли навсегда. Матери, вѣроятно, утащили ихъ далеко. Тогда я отправился къ другому стаду и также убилъ дѣтеныша, но, проученный опытомъ, застрѣлилъ и мать. Трогательно было видѣть, какъ она бросилась къ своему мертвому дѣтенышу и, даже умирая, не хотѣла разстаться съ нимъ. Теперь у насъ довольно было мяса.. Мы продолжали свой путь при великолѣпной тихой погодѣ, но такъ какъ насъ окружали моржи со всѣхъ сторонъ, то мы не рѣшались грести въ одиночку и, отплывъ немного, связали наши каяки вмѣстѣ, зная по опыту, какъ велика бываетъ назойливость господъ моржей. Они нѣсколько разъ подплывали къ намъ и высовывали головы около каяковъ, но вреда намъ не причинили»...

17 іюня въ полдень Нансенъ вышелъ изъ палатки, которую они разбили на время отдыха, и взобрался на ближайшій холмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Предъ глазами его разстилался утесистый берегъ. Въ воздухѣ слышался гулъ множества птичьихъ голосовъ. Но вотъ птицы цѣлою стайей пронесли надъ головою Нансена, и шумъ ихъ затихъ. Вдругъ до слуха его донесся какой-то звукъ, очень похожій на собачій лай. Нансенъ вздрогнулъ отъ изумленія и сталъ прислушиваться внимательнѣе. Лай повторился разъ-другой. «Да неужели?.. Не можетъ быть»... подумалъ Нансенъ. Опять замолкли на мгновеніе птичьи голоса, опять вдали раздался лай.

— Йогансенъ, Йогансенъ! Я слышу лай собаки! крикнулъ Нансенъ.

— Ну, вотъ еще!—отвѣтилъ тотъ.—Пустяки... померещилось.

— Думай, братъ, какъ хочешь, а я пойду посмотрю, въ чемъ дѣло, сказалъ Нансенъ.

Онъ взялъ ружье, подзорную трубу, надѣлъ лыжи и съ тайною надеждою въ душѣ двинулся въ ту сторону, откуда донеслись до него странные звуки. Вскорѣ на снѣгу замѣтилъ онъ какіе-то слѣды. Неужели это лисица? Нѣтъ, не можетъ быть, не похоже. Волнуясь и спѣша, шелъ Нансенъ между холмами впередъ. Вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ человѣческій голосъ. Сердце его учащенно забилося, кровь съ силой прилила къ головѣ. Онъ быстро взбѣжалъ на холмъ и крикнулъ изо всѣхъ силъ. Прошло нѣсколько мгновений, и таинственные звуки опять раздались. О, нѣтъ сомнѣній, здѣсь люди! Ничего не помня отъ радости, Нансенъ пустился бѣжать впередъ по глыбамъ льда и, нѣсколько времени спустя, увидѣлъ собаку, а неподалеку отъ нея другую фигуру. Это былъ... человѣкъ. Тотъ также замѣтилъ Нансена, и оба они быстро пошли другъ другу навстрѣчу. Нансенъ замахалъ ему издали шляпой. Незнакомецъ сдѣлалъ то же. «Да это не Джексонъ ли?» подумалъ Нансенъ и сталъ всматриваться въ незнакомца. Такъ и есть! Это—Джексонъ, англійскій путешественникъ, который почти одновременно съ Нансеномъ отправился на Землю Францъ-Иосифа съ тѣмъ, чтобы изучить лучше эти острова.

Нансенъ снялъ шляпу и подошелъ къ Джексону. Они протянули другъ другу руки и поздоровались.

— Душевно радъ васъ видѣть, — промолвилъ Джексонъ.

— Благодарю, и я васъ также.

— Съ вами тутъ судно?

— Нѣтъ, моего судна здѣсь нѣтъ.

— Сколько васъ?

— Со мной одинъ товарищъ, онъ тамъ на краю льдины.

Тутъ вдругъ Джексонъ остановился и, пристально взглянувъ въ лицо Нансену, сказалъ:

— Да ужъ вы не Нансенъ ли?

— Да, это я.

— Боже мой! Какъ я радъ васъ видѣть!—воскликнулъ Джексонъ, схватилъ Нансена за руку и сталъ сильно трясти ее. Все лицо его озарилось улыбкой, въ глазахъ сіяла радость.

— Откуда вы явились?—вновь спросилъ онъ.

Рис. 41.—Встрѣча съ Джексонъ.

— Я оставилъ «Фрамъ» послѣ того, какъ мы два года проплавали во льдахъ; затѣмъ я зашелъ пѣшкомъ довольно далеко на сѣверъ, но вскорѣ долженъ былъ повернуть назадъ. Мы съ товарищемъ вынуждены были перезимовать гдѣ-то къ сѣверу отсюда и теперь идемъ на Шпицбергенъ.

— Поздравляю васъ отъ всей души. Вы совершили хорошее путешествіе, и я безконечно счастливъ, что мнѣ выпало на долю первому поздравить васъ съ возвращеніемъ.

Такъ разговаривая, подошли они къ хижинѣ, гдѣ находились спутники Джексона. Когда Джексонъ объявилъ имъ, что Нансенъ пробрался на сѣверъ такъ далеко, куда никто еще не проникалъ, то въ воздухѣ загремѣло троекратное «ура» въ честь смѣлаго путешественника. Послали затѣмъ за Йогансеномъ. Англичане встрѣтили его такъ-же радушно и не позволили ему везти сани, а сами поволокли ихъ: Йогансенъ долженъ былъ идти рядомъ, какъ пассажиръ.

39 дней пришлось ждать Нансену, пока пришелъ корабль Джексона «Виндвардъ», на которомъ нашимъ странникамъ предстояло ѣхать въ Норвегію. 7-го августа корабль снялся съ якоря, а 13-го присталъ къ Норвегіи и остановился въ гавани Вардэ. Трудно описать, какъ обрадовались Нансенъ и Йогансенъ, увидѣвши родной край. Не успѣли спустить якорь, какъ они уже бросились въ лодку, торопясь на телеграфную станцію, чтобъ извѣстить родныхъ, друзей, знакомыхъ, весь міръ о своемъ возвращеніи.

Вѣсть о возвращеніи Нансена мигомъ облетѣла весь городъ. На улицахъ толпился народъ. Дома и корабли въ гавани украсились норвежскими флагами. По дорогѣ изъ телеграфа Нансенъ узналъ, что въ одной изъ гостинницъ живетъ его старинный другъ, профессоръ Монъ. «Я—разсказываетъ Нансенъ—побѣждалъ въ гостинницу. Мнѣ сказали, что Монъ отдыхаетъ, но мнѣ до этого не было дѣла, и я ворвался къ нему въ комнату. Монъ лежалъ на диванѣ и читалъ, куря длинную трубку. Онъ взглянулъ съ изумленіемъ на мою длинную фигуру, но въ ту же минуту трубка выпала у него изъ рукъ, лицо передернуло, и онъ вскрикнулъ: «Возможно ли. это Фритіофъ Нансенъ?» Глаза его наполнились слезами, и онъ заключилъ меня въ объятія; затѣмъ наступила очередь Йогансена. Радости не было границъ»...

Но гдѣ же «Фрамъ»? Гдѣ этотъ сѣверный богатырь, такъ отважно боровшійся со льдами? Гдѣ благородный капитанъ

его, Свердрупъ? Что случилось съ остальными товарищами Нансена, которые геройски дѣлили съ нимъ всѣ труды, лишения и страданія? Живы ли они?...

Безмѣрно счастливъ Нансенъ. Подлѣ него жена, друзья, знакомые. Всѣ радостно привѣтствуютъ его. Народъ его славить. Со всѣхъ концовъ міра летятъ къ нему поздравительныя депеши. Но, не смотря на это, временами тяжелая, грустная дума заползаетъ въ его душу, печаль омрачаетъ его радостные дни. Гдѣ «Фрамъ»? Что съ нимъ?.. 20-го августа, рано утромъ, въ комнату Нансена постучался одинъ изъ его друзей и сказалъ, что какой-то господинъ хочетъ его непременно видѣть. Нансенъ наскоро одѣлся и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ ждалъ его начальникъ телеграфа съ депешей въ рукахъ. «Что это можетъ быть»? подумалъ Нансенъ, взялъ телеграмму и дрожащими руками распечаталъ ее. Въ телеграммѣ значилось:

«Фритіофу Нансену.

«Фрамъ» прибылъ сегодня. Все благополучно. Отплываемъ въ Тромзе. Привѣтъ тебѣ на родной землѣ. Отто Свердрупъ».

У Нансена захватило дыханіе, и онъ едва могъ проговорить: «Фрамъ» прибылъ»...

На другой же день Нансенъ съ женою, Йогансеномъ и друзьями отправляется въ гавань Тромзе и тутъ увидѣлъ «Фрамъ». Какая это была счастливая минута! Всѣ пассажиры «Фрама» остались цѣлы и невредимы. Говорить ли о томъ, какъ горяча была ихъ встрѣча съ Йогансеномъ и Нансеномъ? Нужно ли описывать ихъ общую радость и ликование?

Немедленно же «Фрамъ» поплылъ въ городъ, гдѣ родился и жилъ Нансенъ. Фрамъ шелъ впереди. За нимъ плыла красивая яхта, въ которой находились Нансенъ и его жена.

Всюду, гдѣ ни проѣзжали они, народъ норвежскій устраивалъ имъ торжественную встрѣчу. Пароходы были наполнены разодѣтою по праздничному толпой, которая распѣвала пѣсни, кричала «ура», махала шляпами и платками. Множество рыбацкихъ лодокъ тѣснились подлѣ «Фрама», и бѣдняки-рыболовы, каждый по своему, старались воздать хвалу славному норвежскому путешественнику. Одинъ изъ нихъ старался всѣми силами держаться подлѣ яхты, въ которой ѣхалъ Нансенъ.

— Вы не хотите купить рыбы?—спросилъ онъ Нансена,

— Нѣтъ, не собираюсь.

— Быть можетъ, вы можете сказать мнѣ, гдѣ находится Нансенъ? Онъ не на «Фрамѣ»?

— Нѣтъ, я полагаю, что онъ здѣсь,—отвѣтилъ Нансенъ, улыбнувшись.

— О, я бы такъ хотѣлъ знать, не могу-ли взойти на судно; какъ бы хотѣлось взглянуть на него!—проговорилъ рыбакъ просительнымъ голосомъ.

— Врядъ ли это можно: останавливаться нѣтъ времени,—отвѣтилъ Нансенъ.

— Жаль! Мнѣ такъ хотѣлось видѣть его.

Рыбакъ усиленно гребъ, но ему становилось все труднѣе и труднѣе держаться подлѣ яхты, въ которой плылъ Нансенъ. Онъ внимательно разглядывалъ Нансена, а тотъ засмѣялся и, перегнувшись черезъ бортъ, крикнулъ рыбаку:

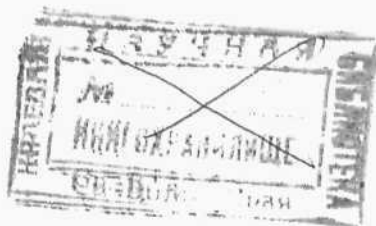
— Если вы хотите видѣть Нансена, то я могу сказать вамъ, что онъ передъ вами.

— Это вы! Ахъ, какъ я не догадался! Привѣтъ вамъ на родинѣ!

И старикъ, опустивъ весла и вставъ въ лодкѣ, снялъ шляпу...

Такъ вотъ какъ трудно дается людямъ знакомство съ царствомъ льдовъ! Но не забывайте, что Нансенъ—одинъ изъ счастливѣйшихъ путешественниковъ. А сколько ихъ осталось тамъ, на дальнемъ сѣверѣ, подъ снѣжнымъ саваномъ...

Прибавлю въ заключеніе еще вотъ что. Я рассказалъ вамъ о томъ царствѣ льдовъ, которое находится на сѣверѣ. но не мѣшаетъ знать, что и на дальнемъ югѣ земного шара, среди холодныхъ водъ Южнаго Ледовитаго океана, лежитъ другое такое же царство льдовъ. Къ сожалѣнію, люди знаютъ о немъ пока очень немного.

Научные забавы. Федо. Перев. съ франц. *Е. Предтеченского*. Съ 128 рис. Ц. 60 к., въ перепл. 1 р. 10 к.

Ботаникъ-любитель. Ф. Федо. Описание интересныхъ растений и поучительныхъ опытовъ съ ними. Съ 200 рис. Ц. 1 р.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. А. Бранчинова. Съ пред. И. С. Тургенева. Мвож. рис. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 том. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Пороховской*. Ц. каждого тома 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. по 3 тома—2 р. 50 к.

Блуждающіе огоньки. С. Бажиной. Со мнѣгими рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплѣтѣ 1 р. 60 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемірнаго путешественника. В. Галузьева. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Черные богатыри. Е. Конради. Съ 55 рисунками. 3-е удешевл. изданіе. Ц. 1 р., въ переплѣтѣ 1 р. 75 к.

Два произвѣдника. Шуточн. разск. въ стихахъ Буша. Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). Ф. Павленкова. 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 р.—Объясненія къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ, каждое—Ц. 5 к.

Иллюстрированныя романы Диккенса. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелуновой*. 1) Даниэль Коперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Воляны надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка дрепостей, 7) Крошка Дорритъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвиль. Цѣна каждого романа 40 к. Въ папкѣ 50 к., въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.

И въ свѣтъ. Разсказы В. Озаркова. Съ 29 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Иллюстрированныя романы Вальтера Скотта. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелуновой*. 1) Веверлей, 2) Антикаривъ, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская повѣсть, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Невѣрли Никъ, 12) Пресвитеріанъ, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученныя, 20) Черный Карликъ, 21) Приключеніе Ингеля, 22) Редгантлѣтъ, 23) Робертъ Графъ Парижская, 24) Сент-Ронакская воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каж. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5-ти романовъ—2 р. 80 к.

Всякому глѣзду свое мѣсто. А. Круглова. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Босстромъ*. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ пап. 3 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

Дѣтскія маскарады. Азбелева. Съ 16 р. Ц. 20 к.

Хорошіе люди. В. Острогорскаго. Съ 45 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Вечерніе досуги. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. Гейбнера. Съ 107 р. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$ и т. п. *Обреимова*. Ц. 40 к.

Исторія открытія Америки. Ламе-Флери. 3-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р. въ переплѣтѣ 1 р. 40 к.

Химикъ-любитель. Федо. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ расходовъ. Съ 152 рис. Ц. 1 р.

Донъ-Кихотъ. Сервантеса. Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ пап.—60 к., въ перепл. 90 к.

Математическія развлеченія. Люкаса. Перев. съ фр. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. Обреимова. Сборникъ геом. игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. С. Ворисгофера. Съ иллюстр. 3-е изданіе. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплѣтѣ 1 р. 75 к.

Чрезъ дѣбри и пустыни. Ворисгофера. Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Сказочная страна. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Приключенія контрабандиста. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Мученики науки. Г. Тисандъ. Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова*. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Научныя развлеченія. Г. Тисандъ. Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова*. Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

До потолка. Романъ изъ жизни первообычныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Живыя картинны. А. Смирнова. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Янни Вологодскаго уѣзда. Круглова. Ц. 25 к.

Незабудки. А. Круглова. Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

Несчастливцы. Э. Кандеза. Съ 65 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Приключенія сверчка. Э. Кандеза. Съ 67 р. Ц. 2 р. въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.

20 біографій образцовыхъ русск. писателей. В. Острогорскаго. Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ переплѣтѣ 1 р.

Правители и мыслители. Біографич. очерки. Е. Литвиновой. Съ 16 портретами. Ц. 1 р.

Матери великихъ людей. Блока. Со многими рисунками. Ц. 60 к.

Физическіе парадоксы и софизмы. Пособіе для учениковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 30 рис. *В. Волжина*. Ц. 25 к.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НАРОДА В. ЛУНКЕВИЧА.

Издание Ф. Павленкова.

Фонд

"Русс

1. Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.
2. Небо и звезды. Съ 18 рис. Ц. 8 к.
3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4. Жизнь въ капль воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6. Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
7. Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.
8. Землетрясенія и огнедышащія горы. Съ 12 рис. Ц. 16 к.
9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
10. Великаны и карлики въ царствъ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.
12. Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13. Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14. Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 12 к.
15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16. Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17. Пчелы, осы и термиты. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18. Вода. Съ 52 рис. Ц. 28 к.
19. Подводное царство. Ц. 20 к.
20. Воздухъ. Съ 27 рис. Ц. 18 к.
21. Степь и пустыня. Ц. 18 к.
22. Тайга и тундра. Съ 20 рис. Ц. 14 к.
23. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Съ 41 рис. Ц. 24 к.
24. Четвероногіе и пернатые хищники. Съ 30 рис.
25. Четвероногіе слуги человѣка.
26. Враги и друзья человѣка.
27. Животныя-кровопійцы и дармоѣды.
28. Растенія-дармоѣды и растенія-хищники.
29. Откуда явились наши домашнія животныя и растенія.
30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній.
31. Исторія происхожденія растеній и животныхъ.
32. Подземное царство.
33. Исторія земли.
34. Каменный уголь.
35. Нефть.
36. Соль.
37. Сокровища горъ.
38. Чудеса науки.
39. Чудеса техники.
40. Чудеса общежитія.

Новое дешевое издание Ф. Павленкова:

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(Справочная книга по всемъ вопросамъ знанія).

въ одномъ большомъ томѣ, состоящемъ изъ 92 печатныхъ листовъ: около 3,000 столбцовъ текста, съ 2,224 рисунками (въ томъ числѣ 813 портретовъ) и 37 топографическими картами, гравированными въ Парижѣ. Чтобы дать понятіе объ умѣстительности словаря (6 милліоновъ буквъ), скажемъ, что по количеству содержащагося въ немъ матеріала онъ равенъ пяти книжкамъ толстаго журнала, считая объемъ каждой такой книжки въ 30 печатныхъ листовъ или 480 стран. Особенную пользу словарь Ф. Павленкова могъ-бы принести учителямъ начальныхъ школъ. Цѣна словаря въ переплетѣ—три руб. Пересылка—за 4 фуп. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова (С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., д. 2).